

**НАУЧНЫЕ ДОКЛАДЫ ИНСТИТУТА НОВОГО
ИНДУСТРИАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ (НИИР) им. С.Ю. Витте**

**ИНСТИТУТ НОВОГО
ИНДУСТРИАЛЬНОГО
РАЗВИТИЯ (НИИР)
им. С.Ю. ВИТТЕ**

**ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМИЯ:
МЕЖДУНАРОДНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ
И НАЦИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ**

**ДОКЛАДЫ ЧЛЕНОВ РОССИЙСКОЙ ДЕЛЕГАЦИИ
НА 7-ОЙ МЕЖДУНАРОДНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ
ПО ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ,
ЛИССАБОНСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ,
ЛИССАБОН, ПОРТУГАЛИЯ,
7-9 СЕНТЯБРЯ 2016 ГОДА**

**Санкт-Петербург
2016 г.**

Институт
нового индустриального развития
(НИИР) им. С.Ю. Витте

**ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМИЯ:
МЕЖДУНАРОДНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ
И НАЦИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ**

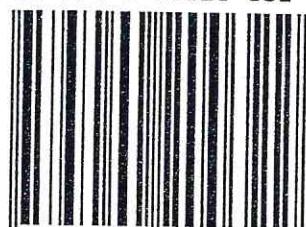
Доклады членов российской делегации
на 7-ой Международной конференции
по политической экономии,
Лиссабонский университет,
Лиссабон, Португалия,
7-9 сентября 2016 года

Санкт-Петербург
2016 г.

Политическая экономия: международные тенденции и национальные особенности / Доклады членов российской делегации на 7-ой Международной конференции по политической экономии, Лиссабонский университет, Лиссабон, Португалия, 7-9 сентября 2016 года / Под общ. ред. С.Д. Бодрунова. СПб.: ИНИР, 2016. – 102 с.

ISBN 978-5-00020-032-2

ISBN 978-5-00020-032-2

9 785000 200322

© Коллектив авторов, 2016

© Институт нового индустриального
развития (ИНИР) им. С.Ю. Витте,
2016

Содержание

Международная конференция «Политическая экономия: международные тенденции и национальные особенности».....	4
С.Д. Бодрунов. К новому качеству материального производства. Политэкономический анализ новой индустриальной экономики.....	9
А.В. Бузгалин. «Капитал» - XXI. Пролегомены. (Основные разработки постсоветской школы критического Марксизма в области методологии и теории политической экономии позднего капитализма).....	21
В.Т. Рязанов. Геополитэкономия реиндустириализации: пример России.....	63
Г.Н. Цаголов. Политэкономия российского капитализма: уроки Китая и Вьетнама.....	77
Н.Г. Яковлева. Политэкономия образования: к постановке проблемы.....	82
Расшифровка дискуссии по итогам доклада С.Д. Бодрунова.....	96

11.09.2016

**Международная конференция
«Политическая экономия: международные тенденции
и национальные особенности»**

**7-9 сентября 2016 г.,
Лиссабонский университет, Лиссабон, Португалия**

7-9 сентября 2016 г. в Лиссабонском университете в рамках международной конференции «Политическая экономия: международные тенденции и национальные особенности» состоялся семинар Института нового индустриального развития им. С.Ю. Витте.

Данная конференция стала 7-ой конференцией Международной ассоциации по продвижению политической экономии. В этом году мероприятие было наиболее крупномасштабным, в конференции приняло участие более 400 человек из 40 стран мира.

В работе конференции участвовала российская делегация, которую возглавил Президент ВЭО России, Президент Межрегиональной Санкт-Петербурга и Ленинградской области общественной организации ВЭО России, директор Института нового индустриального развития имени С.Ю. Витте, Первый вице-президент Союза промышленников и предпринимателей (работодателей) Санкт-Петербурга, академик Санкт-Петербургской Инженерной академии, д.э.н., профессор С.Д. Бодрунов.

В состав делегации вошли ведущие учёные и эксперты, представители Вольного экономического общества России, межрегиональной Санкт-Петербурга и Ленинградской области общественной организации ВЭО России и Института нового индустриального развития им. С.Ю. Витте (ИНИР):

Б.Т. Рязанов – член Правления межрегиональной Санкт-Петербурга и Ленинградской области общественной организации ВЭО России, заведующий кафедрой экономической теории Санкт-Петербургского экономического университета, д.э.н., профессор. Тема доклада: «Экономическая методология политической экономии, история русской экономической мысли, хозяйственный строй современной России»;

Г.Н. Цаголов – действительный член Сената ВЭО России, член Координационного Совета Международного Союза экономистов, профессор Международного университета в Москве, член Союза писателей России, академик РАЕН, академик Международной Академии менеджмента и Европейской Академии безопасности и конфликтологии, д.э.н. Тема доклада: «Перспективы интегрального общества, политэкономия России»;

А.В. Бузгалин – член Правления ВЭО России, директор Института социоэкономики Московского финансово-юридического университета, руководитель Центра социоэкономики кафедры политической экономии МГУ им. М.В. Ломоносова, руководитель Центра «Общество знаний» при заместителе председателя Комитета по образованию Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации, заслуженный профессор Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, главный редактор журналов «Вопросы политической экономии» и «Альтернативы», сопредседатель Конгресса работников образования, культуры, науки и техники, заместитель Председателя организационного комитета Московского экономического форума, визит-профессор Пекинского государственного университета, Заслуженный деятель высшего образования Российской Федерации, д.э.н. Тема доклада: «Современный марксизм, политэкономия России»;

Н.Г. Яковleva – ведущий научный сотрудник Института экономики РАН, к.э.н. Тема доклада: «Политэкономия образования» и другие.

В рамках конференции состоялись презентация книги С.Д. Бодрунова «Грядущее. Новое индустриальное общество», семинары ВЭО России и Института нового индустриального развития им. С.Ю. Витте по темам: «Материальное производство, накопление и рост: переосмысление проблем», «Эволюция постсоциалистических экономик» и др. Презентация книги «Грядущее. Новое индустриальное общество» вызвала большой интерес.

Доклад профессора С.Д. Бодрунова «К новому качеству материального производства. Политэкономический анализ новой индустриальной экономики» на одной из сессий конференции был

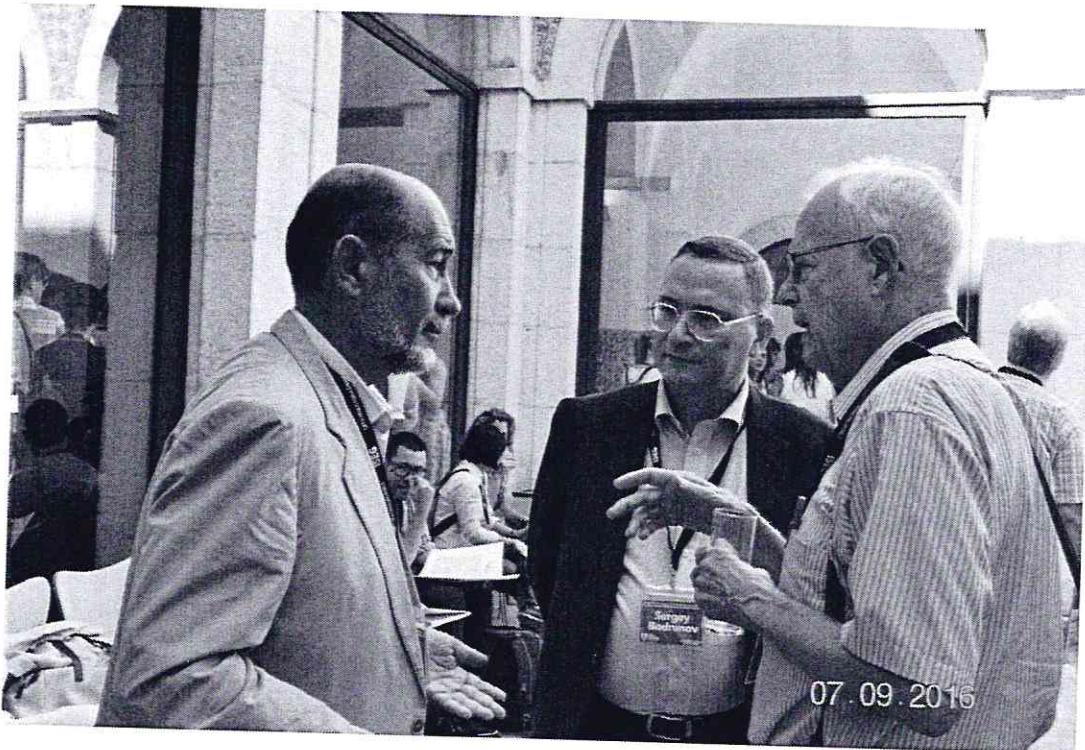
посвящен теме нового качества материального производства и обусловленных этим изменениями в социально-экономической системе общества. Доклад был представлен в продолжение презентации книги, он вызвал широкий интерес и дискуссию, в которой приняли участие специалисты из 40 стран мира, представляющие различные известные мировые научные центры.

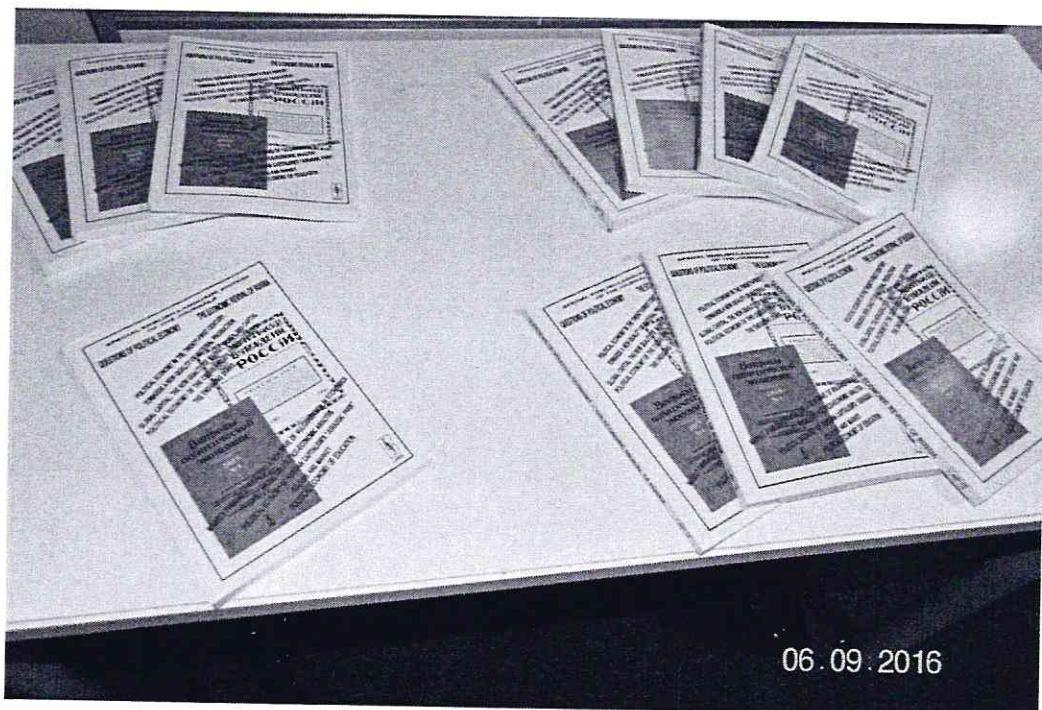
С обсуждением основных положений доклада С.Д. Бодрунова выступили известные учёные и эксперты мирового уровня: президент Форума Третьего мира Самир Амин (Франция), главный редактор одного из ведущих международных экономических изданий – журнала «Политэкономические исследования» – профессор Пол Зарембка (США), вице-президент Всемирной политэкономической ассоциации, профессор экономического факультета университета Массачусетс Дэвид Котц (США), вице-президент конференции, профессор экономического факультета университета Крита Димитрис Милонакис, руководитель программного комитета конференции профессора Эл Кэмбелл (США) и др.

Подводя итоги обсуждения, Самир Амин выступил с предложением о публикации работ участников дискуссии в России, а также издании трудов российских специалистов за рубежом и распространении и использовании их среди специалистов научных организаций, которые были представлены на конференции.

Специальным событием конференции стала презентация совместного англоязычного выпуска журналов «Экономическое возрождение России» (основной публикатор научных разработок ИНИР) и «Вопросы политической экономии», вызвавшая большой интерес к разработкам научной школы ИНИР.

*A.A. Золотарев, исполнительный
директор ИНИР им. С.Ю. Витте, к.э.н.*

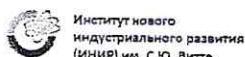

С.Д. Бодрунов,
д.э.н., профессор,
директор Института нового индустриального развития
(ИНИР) им. С.Ю. Витте

**К новому качеству материального производства.
Политэкономический анализ
новой индустриальной экономики**

1. Политическая экономия – это наука, которая позволяет доказать, что при всех изменениях, которые произошли и происходят на протяжении последнего столетия в материальном производстве (включая сокращение его доли в ВВП развитых стран, «информационную революцию» и т.д.), именно *материальное производство остается основой самого существования экономики* (слайд 1). Это наш первый тезис.

Тезис 1:

Материальное производство остается основой самого существования экономики:

- материальное производство остается производством по преимуществу индустриальным;
- индустрия является той основой, которая через научный и технологический прогресс создает возможности для все более полного удовлетворения непрерывно возрастающих потребностей человека.

При этом материальное производство остается производством по преимуществу *индустриальным*; индустрия является той *основой*, которая через научный и технологический прогресс создает возможности для все более полного *удовлетворения непрерывно возрастающих потребностей человека*.

2. **Второй тезис** состоит в следующем: невозможно отрицать, что практикуемый обществом способ производства определяющим образом влияет на тип общественного устройства (**слайд 2**).

И сегодня мы наблюдаем глобальные изменения технологической основы материального производства, которые неизбежно приведут к изменению типа общественного устройства, в котором мы живем в наши дни.

Какое это будет общество?

Каковы его принципиальные черты?

Институт нового
индустриального развития
(ИНИР) им. С.Ю. Витте

Тезис 2:

- = практикуемый обществом способ производства определяющим образом влияет на тип общественного устройства;
- = современная эпоха – период глобальных изменений технологической основы материального производства и общества в целом;

- = неизбежен *переход* к новому этапу развития человеческого общества.

Тезис 3:

= оно будет оставаться индустриальным по способу удовлетворения возрастающих потребностей человека; однако сам индустриальный способ производства претерпит качественные изменения.

Слайд 3

3. Мы утверждаем (и это – **тезис 3**) – речь должна идти о *новой генерации индустриального общества*, которое (слайд 3) можно назвать *новым индустриальным обществом второго поколения* (назовем его для краткости НИО.2).

При этом, НИО.2 и его экономика станут «отрицанием отрицания», диалектическим «снятием» и позднеиндустриальной системы, описанной Дж. Гелбрейтом, и информационно-постиндустриальных трендов, описанных Д. Беллом и другими «постиндустриалистами».

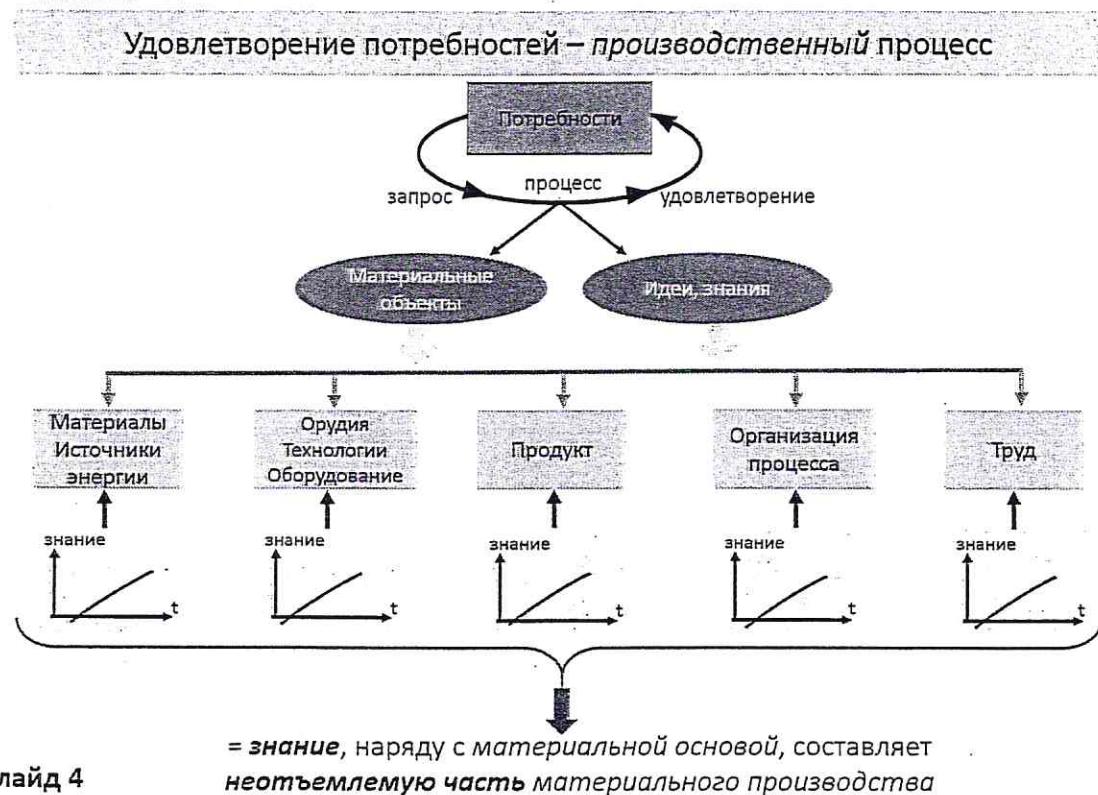
4. Четвертый тезис. Здесь я хотел бы остановиться на вопросе – что является главным фактором такого развития (чтобы оценить возможности использования этого фактора для своих целей – достижения прогресса в новом обществе будущего, НИО.2)?

Мы полагаем, что таким базовым фактором является **знание**. Остановлюсь на этом тезисе подробнее и попытаюсь подтвердить нашу убежденность рядом аргументов (**слайд 4**).

Институт нового
индустриального развития
(НИРИ) им. С.Ю. Витте

Тезис 4:

Слайд 4

Заметим, что всякий продукт, получаемый в результате производственной деятельности, содержит, помимо материальной основы, «нематериальный элемент» – **знание**. Оно присутствует во всех компонентах производственного процесса – а мы рассматриваем в качестве основных четыре: *материалы, технологии* (орудия производства), *организацию производства*, наконец, человеческий *труд* в рамках производственного процесса – так вот, во всех этих компонентах присутствует знание.

Соответственно, знание составляет, наряду с материальной основой, *неотъемлемую часть* продукта производства.

При этом отметим один важный аспект: на протяжении всей истории развития общества имеет место *непрерывное увеличение относительной доли знаний* как во всех компонентах производства, так и в продукте – при относительном снижении в последнем доли «материальной» части (**слайд 5**).

Однако неправомерно делать отсюда вывод об отмирании *определяющей роли* собственно материального производства; из этого следует сделать иной вывод – о непрерывном росте *знаниеемкости* продукта материального производства и *переходе* вследствие этого к качественно новому типу материального производства.

С технологической точки зрения (слайд 6), его основу составит постоянно интенсифицируемый уровень знаний в технологиях, что позволит говорить о *знаниеинтенсивности технологий* материального производства в НИО.2.

Принципиально меняется и характер труда, и другие компоненты производства.

Институт нового
индустриального развития
(НИИР) им. С.Ю. Витте

Технологический аспект:

= основу нового типа материального производства (индустриального производства в эпоху НИО.2) составит постоянно интенсифицируемый уровень знаний в технологиях (это свойство технологий в НИО.2 можно обозначить термином **знаниеинтенсивность технологий**):

= смена парадигмы индустриального труда:

= человек – «придаток
машины»

- = человек – носитель знания;
- «становится рядом с производством»*;
- «относится к ... процессу как контролер и регулировщик»*

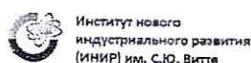
^{*)} K. Marx

Слайд 6

В таком производстве определяющую роль начинают играть операции и процессы, и тут можно вспомнить соответствующие идеи К. Маркса, где человек выступает не как «придаток машины» (станка, конвейера), а как носитель знания; «человек становится рядом с производством» и «относится к самому процессу производства как его контролер и регулировщик»¹.

Таким образом, рассматривая тренды развития современного материального производства (слайд 7), мы приходим к выводу, что базовым из них является *накопление, увеличение доли знаний* во всех его компонентах и, соответственно, в продукте.

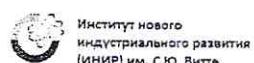

Слайд 7

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 46. Ч. II. С. 213.

При этом данный тренд развития материального производства одновременно является и *базовым фактором*, влияющим принципиальным образом на направление и темпы этого развития, придавая этому процессу его новые важнейшие черты и обеспечивая за счет этого – именно за счет этого! – переход к *качественно новому типу* материального (в наше время – индустриального) производства.

5. Таким образом, мы можем озвучить следующий, пятый тезис (слайд 8).

Тезис 5:

= на данной основе формируется *принципиально новый тип материального производства – знаниеинтенсивное производство:*

Производственный процесс в НИО.2:

- *знаниеемкость* продукта производства;

- *знаниеинтенсивность* технологий и методов организации производства;

- *труд: качественно новое содержание* – «человек – носитель знания»;

Знаниеинтенсивное производство

Слайд 8

На этой основе формируется принципиально новый тип материального производства – *знаниеинтенсивное производство*. Оно станет носителем ряда специфических черт, составляющих *принципиально отличную от предыдущих парадигму* индустриального способа удовлетворения человеческих потребностей (слайд 9); привожу на слайде.

Знаниеинтенсивное производство в НИО.2

Это

- приоритизация нематериальной доли в продукте (непрерывное повышение информационной и снижение материальной составляющей; миниатюризация, тенденция к снижению энергоемкости, материалоемкости, фондоемкости продукции);
- изменение адаптационной парадигмы в паре «потребитель - продукт»: предельная адаптация продукта к индивидуальному запросу потребителя;
- смена «емкостной» парадигмы производства: снижение удельных трудо-, энерго-, материало-емкости продукта;
- смена организационной парадигмы производственного процесса (сетевая модель организации производства вместо преимущественного вертикального интегрированной; развитие в рамках этого процесса качественно новых элементов организации производства);
- изменение характера индустриального труда в пользу знаниеменных трудовых функций;
- смена технологической парадигмы производства: аддитивные технологии вместо обрабатывающих;
- смена образовательной платформы подготовки индустриальных специалистов с преимущественно «обучательной» на преимущественно «пользовательскую»;
- ...

Слайд 9

6. Шестой тезис. Все эти изменения, в свою очередь, требуют *изменений и макроструктуры экономики*.

На смену классической индустриальной системе (с абсолютным доминированием собственно промышленного производства) и «обществу услуг» (в котором отрасли сервиса вытесняют собственно материальное производство) приходит **новая индустриальная экономика второго поколения**.

В эпоху НИО.2 доминирующее положение постепенно займут сегменты, в которых создается

- а) знаниеменный продукт, а именно, – те, в которых производится данный продукт как таковой, а также те, где:
- б) создается самое знание,
- в) формируется человек, способный этим знанием овладеть и применить его в материальном производстве (**слайд 10**).

Тезис 6 (графическое изображение):

- = изменение **технологической парадигмы** развития общества приводит к изменению **макроструктуры и основных сфер экономики**.

Базовые сферы экономики НИО.2

Слайд 10

Как результат, экономика НИО.2 должна базироваться на объединении (на микро- и макроуровнях) таких звеньев, как (I) **знаниеинтенсивное высокотехнологичное материальное производство**, создающее знаниеемкий продукт, (II) **наука**, создающая knowhow, и (III) **образование плюс культура**, формирующие человека, обладающего не только знаниями и способного их применить в производстве, но и способностью их генерировать.

Итак, кратко – итог.

Мы обрисовали некоторые контуры того, как видится будущее общество и его отдельные, базисные черты. Многие вытекающие из этого детали, иногда – весьма важные, а в ряде случаев – принципиально важные, я рассмотрел в статьях, публикуемых в журнале «Экономическое возрождение России», презентация которого была вчера и одна из статей на английском языке представлена. Эти детали – весьма красноречивы. Они разворачивают перед нами картину *другого* общества, совершенно иного общества, похожего на то, которое Маркс называл не «царством необходимости», но «царством свободы»!

Поэтому в завершение своего сообщения позволю задать нам вопрос: если это будет так, то каково будет в нем место России?

И второй вопрос: возможен ли для нее успех в этом будущем, и если да, то как к нему идти?

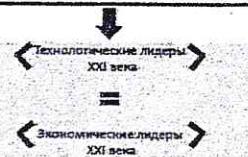
Коллеги, для экономики России, долгое время развивавшейся в условиях доминирования монетарно-либеральной модели, приведшей к искажению структуры народного хозяйства, гипертрофии сырьевого сектора, неумеренной финансализации и деиндустриализации, задачи перехода к экономике эпохи НИО.2 стоят особенно остро (слайд 11).

Институт нового
индустриального развития
(НИП) им. С.Ю. Витте

Технологические перспективы:

- переход к 6-му технологическому укладу (20-30-е годы XXI века);
- новая технологическая революция (20-е годы XXI века);
- резкое возрастание роли интеллектуально-технологических ресурсов (при снижении потребности в традиционных)

Для России: необходима смена экономической модели,
восстановление индустриального пути развития страны.

Глобальный процесс «переtekания индустрии»

Формирование качественно нового содержания индустрии

Определяющее влияние способа удовлетворения потребностей (индустриального производства) на тип и специфику общественного устройства

диктуют:

пересмотр концепции «нового индустриального общества»;

- отказ от концепции «постиндустриального общества»;
- формирование новой концептуальной платформы развития общества на базе перспективного индустриального способа производства (концепция НИО.2)

Слайд 11

Необходима смена экономической модели, восстановление приоритета индустриального пути развития России. Нам нужна новая индустриализация, реиндустриализация нашей экономики на новой современной технологической основе, учитывающей описанные выше тенденции развития индустриального производства, которые неумолимо свидетельствуют: *впереди – снижение потребности мирового производства в материалах*,

сырье, ископаемых, энергии (как удельное, так и в целом для мировой экономики, т.е. того, на чем до сих пор стоит российская экономика), при резком возрастании роли индустриальных знаний, технологий, темпов их получения, освоения, имплементации в реальный сектор, развития и т.п.

Не за горами – новая технологическая (индустриальная!) революция. Очевидно, что **экономическими лидерами НИО.2 будут страны, сумевшие стать его технологическими лидерами**.

И России надо «вписаться» в этот мировой тренд развития. Сможет ли она это сделать?

Мы анализировали нашу экономику много и тщательно, не буду здесь на этом останавливаться, скажу лишь: наш анализ подтверждает – у нас есть определенный потенциал для решения этой задачи. У России есть шанс – если он не будет упущен именно сейчас.

В заключение – небольшой месседж: многие вещи, о которых я сегодня говорил, я отразил в своей новой книге, которая носит несколько провокационное название «Грядущее. Новое индустриальное общество: перезагрузка» (по английски звучит примерно как «The coming of New Industrial State: reloaded» или «The Coming (time). The New Industrial Society: reloaded»). Это название отсылает нас к Джону Гэлбрейту «Новое индустриальное общество» («The New Industrial State») и Даниэлу Беллу «Грядущее постиндустриальное общество» («The coming of post-industrial society»...).

В своей книге я продолжил размышления, начатые этими великими авторами.

Не претендуя на детализированность и глубину исследований этих больших специалистов, я, тем не менее, рискнул, с высоты сегодняшнего понимания развития мировой экономики и общества, поставив под сомнение одни их тезисы и подтверждая другие, дать свое видение путей развития общества; сейчас я завершаю работу над дополнением книги и переводом ее на английский язык. Возможно, мои представления не совершенны, и поэтому для меня очень важно, чтобы вы, уважаемые коллеги, представляющие собой, без сомнения, цвет мировой экономической науки, представили и свое отношение к предложенным тезисам; я это обязательно учту в своей работе.

Спасибо за внимание!

А.В. Бузгалин,
д.э.н., профессор, МГУ им. М.В. Ломоносова

**«Капитал»-XXI. Пролегомены.
(Основные разработки постсоветской школы
критического марксизма в области методологии и теории
политической экономии позднего капитализма)***

Как было замечено ещё 50 лет назад Раймоном Ароном, наилучшим способом доказательства правоты марксизма является разработка новой целостной теории, продолжающей дело Маркса, но отвечающей на вызовы современной эпохи.

Сказанное, впрочем, сугубо авторский пересказ Аrona, который сказал проще, хотя и менее точно: напишите «Капитал XX века». Как показала новейшая история, «Капитал» ни в XX, ни в начале этого века никто не написал...

1.

Что же смогли, и что не смогли сделать марксисты на протяжении последнего полувека на пути к новому «Капиталу», и что необходимо сделать, чтобы он появился?

Отвечая на первый вопрос, заметим, что, несмотря на то, что в современном марксизме откровенно доминируют «дискурсы» позитивизма и постмодернизма, отрицающие саму постановку задачи написания нового «Капитала», за последние десятилетия по проблематике «Капитала» К. Маркса, в том числе по вопросам изменения содержания ключевых категорий «Капитала», с середины XX века написано не так уж мало работ. Это касается и работ зарубежных ученых последних десятилетий¹, и исследований,

---

* Статья написана на основе совместных с А.И. Колгановым разработок.

Данная статья представляет собой сокращённую версию текста, полная версия которого опубликована на сайте «Альтернативы» <http://www.alternativy.ru/>, а отдельные положения представлены в статье: Бузгалин А.В., Колганов А.И. «Капитал» К. Маркса и современная система капиталистических производственных отношений: опыт восхождения от абстрактного к конкретному // Вестник Московского университета. Серия 6: Экономика. 2016. № 2. С. 3-25.

¹ См.: Arthur Ch. J. The New Dialectic and Marx's Capital. Leiden–Boston, 2002; Harvey D. Spaces of Capital: Towards a Critical Geography. Edinburg, 2001; Harvey D. The New

которые велись в рамках советской политэкономии империализма², и некоторых исследований в постсоветском пространстве, более или менее близких к марксистской тематике, в том числе – исследований в рамках постсоветской школы критического марксизма.³

В рамках марксистской традиции исследовались многие явления, отличающие капитализм последних десятилетий от того, что стал предметом «Капитала»: изменения в характеристиках товарного производства в связи с известной концепцией подрыва товарного производства (и, в частности, диффузией стоимости) и трансформации природы денег в условиях позднего капитализма; новые формы эксплуатации; капиталистические формы «экономики, основанной на знаниях»; особенности современного капиталистического цикла; новая роль финансового капитала, роль государства и т. д. и т. п.

Но все эти исследования носили в большинстве случаев частный характер, т. е. рассматривалась одна из этих перечисленных форм, иногда предпринимались попытки провести связь между какими-то из этих явлений, например, между особенностями современного финансового капитала и характером

Imperialism. Oxford, 2003; Harvey D. Seventeen Contradictions and the End of Capitalism. Oxford, 2014; Meszaros I. Marx's Theory of Alienation. London, 1970; Mészáros I. Beyond Capital: Toward a Theory of Transition. London, 1995; Ollman B. Alienation: Marx's Conception of Man in Capitalist Society. 2nd ed. Cambridge, 1976; Ollman B. Dance of the Dialectic: Steps in Marx's Method. Urbana, IL, 2003; Sayers S. Reality and reason: dialectic and the theory of knowledge. Oxford, 1985; Contemporary Capitalism and its Crises: Social Structure of Accumulation Theory for the Twenty-First Century / Ed. by D. Kotz, T. McDonough, M. Reich. Cambridge and N.Y., 2010; Kotz D.M. The Rise and Fall of Neoliberal Capitalism. Harvard University Press. Cambridge, Massachusetts and London, England, 2015; и др.

² См., напр.: Рудакова И.Е. Методологические проблемы теории империализма М.: Изд-во МГУ, 1983; Чибриков Г.Г. Роль современных международных монополий в процессе интернационализации капитала и производства. М., 1979; Политическая экономия современного монополистического капитализма / Отв. ред. Иноземцев Н.Н., Милейковский А.Г., Мартынов В.А. В 2-х томах. Изд. 2-е, доработанное. М.: Мысль, 1975, 430 с. и 431 с.; Пороховский А.А. Большой бизнес: путь к господству (империализм и товарные отношения). М., 1985.

³ Школа постсоветского критического марксизма регулярно представляется в публикациях различных авторов в журнале «Альтернативы» с самого основания журнала. В связи с ограниченностью объема статьи не будем перечислять конкретных авторов и названия публикаций; заинтересованный читатель может найти необходимые сведения в тематических указателях статей и в оглавлениях выпусков журнала.

капиталистического строя. Наконец, можно отметить ряд работ, где рассматривалась большая совокупность новых характеристик капиталистического способа производства в сопоставлении с «Капиталом» К. Маркса, но сама методология «Капитала» при этом не воспроизводилась: нам не известны работы, в которых бы было проведено *диалектическое развертывание системы категорий, целостно отражающих современное состояние системы капиталистических производственных отношений на основе использования метода восхождения от абстрактного к конкретному*.

Это, подчеркнем, не отрицает того, что написанные ранее многочисленные марксистские работы по политической экономии позднего капитализма, не основанные на применении данного метода, представляют собой немалую ценность, ибо дают, если можно так выразиться, своего рода необходимый материал для решения поставленной задачи.

Прежде всего, хотелось бы обратить внимание на принадлежащую перу Иштвана Мессароша книгу «За пределами капитала: к теории преобразования»⁴. Здесь не место анализировать её содержание, – для целей данной статьи важно упомянуть, что Мессарош дает систематическое изложение тех противоречивых тенденций, которые свойственны ряду элементов капиталистической системы производственных отношений на современном этапе её развития.

В отличие от него известный географ и социолог Дэвид Харви в своей книге «Пределы капитала»⁵ делает значительный крен в сторону пространственного аспекта изучения движения противоречий современного капитализма. Он стремится показать, как выстраиваются производственные отношения капитализма в

⁴ Meszaros I. Beyond Capital: Toward a Theory of Transition. London: Merlin Press; New York: Monthly Review Press, 1995. См. также: Мессарош И. Марксизм сегодня // Альтернативы. 1998. № 2. С. 2-13; Мессарош И. Вызовы нашему времени // Альтернативы. 2000. № 2. С. 18-39.

⁵ Harvey D. The Limits to Capital. Oxford: Basil Blackwell; Chicago: University of Chicago Press, 1982 (в этой работе Дэвид Харви во многом предвосхитил конфликты, свойственные капитализму после распада мировой социалистической системы и нового витка глобализации, так что она с полным основанием была переиздана в 1999 и 2006 годах). См. также: Harvey D. Seventeen Contradictions and the End of Capitalism. Oxford University Press, 2014.

центре и на периферии, как эти отношения определяют пространственное движение капитала, судьбу глобальной рабочей силы и формирование соперничества капиталистических держав в мировом хозяйстве.

Специальное внимание сдвигам в производительных силах, свойственным современному капитализму, и их влиянию на трансформацию капиталистических производственных отношений характерно для Андре Горца, Вольфганга Фрица Хауга и ряда других исследователей. Так, Андре Горц и ряд его коллег развивают концепцию когнитивного капитализма⁶. В ней делается упор на резкое возрастание в современной эпоху роли такого феномена как присвоение капиталом всеобщей силы человеческого знания. Это, с одной стороны, углубляет эксплуатацию труда капиталом, подчиняя последнему творческие силы человека, его деятельность не только в рабочее, но и в свободное время. С другой стороны, эти же процессы создают предпосылки для формирования коммунистических общественных отношений первоначально в сфере интеллектуального производства. Данная концепция получила уже немалое распространение в научной литературе.⁷

Близкую, но все же отличающуюся позицию, излагает в своих работах Вольфганг Фриц Хауг. С его точки зрения следует делать упор не на одно только производство знаний и информации, а на всю совокупность сдвигов в производительных силах, которые меняют облик современного капитализма, ведя к возникновению новых форм эксплуатации и обеспечения извлечения прибыли. Такой капитализм он именует «хай-тек капитализмом».⁸

Немало нашумевшая в последние годы книга Томаса Пикетти «Капитал в XXI веке»⁹, не являющаяся в строгом смысле слова

⁶ См.: Горц А. Нематериальное. Знание, стоимость и капитал. М.: Изд. дом ГУ-ВШЭ, 2010.

⁷ См., например: Корсан А. Капитализм, биотехнонаука и неолиберализм Информация к размышлению об отношениях между капиталом, знанием и жизнью в когнитивном капитализме // Логос. 2007. № 4. С. 123-143.

⁸ Haug W.F. High-Tech-Kapitalismus: Analysen zu Produktionsweise, Arbeit, Sexualität, Krieg & Hegemonie. Berlin: Argument, 2003; Haug W.F. Hightech-Kapitalismus in der Großen Krise. Berlin: Argument, 2012. См. также: Хауг В.Ф. Глобализация, хайтек-капитализм и будущее марксизма // Альтернативы. 2008. № 2. С. 4-19.

⁹ См.: Пикетти Т. Капитал в XXI веке. М.: Ад Маргинем Пресс, 2015 (перевод с англ. издания: Piketty T. Capital in the Twenty-First Century / Translated by Arthur Goldhammer. Harvard University Press, 2014).

марксистским исследованием, тем не менее дала большой обобщающий материал, который в конечном итоге подтверждает правоту основных тезисов Маркса, касающихся закономерностей капиталистического накопления.

Совокупность этих работ (и ещё целого ряда марксистских исследований, лежащих в том же русле) дает нам весьма впечатляющую картину эволюции производственных отношений позднего капитализма, вызванных сдвигами в производительных силах и других сферах общественной жизни второй половины XX – начала нынешнего веков, а также изменения тех категорий и понятий в которых данные отношения отражаются.

Тем не менее, в одном отношении этим работам присущ общий недостаток с точки зрения марксистского диалектического метода (хотя эти авторы в большей или меньшей степени приверженцы диалектики). Дело в том, что диалектический метод «Капитала» требует брать категории не как рядоположенные, а в их взаимной связи, и не просто во взаимной связи, а в *системе*, отражающей систему производственных отношений. Для того, чтобы эту связь показать, не просто решив проблему модификации отдельных категорий капиталистического хозяйства, а развернуть действующую систему категорий, воспроизводящую систему «Капитала» на новом уровне развития капитализма, необходимо пройти путь восхождения от абстрактного к конкретному, так же, как он был пройден в «Капитале» К. Маркса.

А этот метод, как известно, предполагает, что каждая последующая категория попадает в поле зрения исследователя не произвольно, а выступает как отражение снятия противоречий предшествующего производственного отношения, отраженного предшествующей категорией (например, категория «деньги» в «Капитале» есть отражение объективного процесса разрешения противоречий товарного производства по мере развертывания формы стоимости). Одновременно с этим новая категория («деньги» в нашем примере) отражает новое противоречие нового производственного отношения и так далее.

Каждый виток снятия и воспроизведения противоречий обогащает научные категории новым содержанием, что и обеспечивает движение от абстрактного, относительно неполного простого и одностороннего знания, к новому, более богатому и более

конкретному¹⁰. Существенно, что это конкретное есть не результат восхождения, не «самая последняя категория», а весь процесс развития производственных отношений, вся система отражающих этот процесс категорий (весь «Капитал» Маркса, а не его последняя глава). Сам Маркс называл именно этот метод «правильным в научном отношении»¹¹.

Только так можно проследить и теоретически отобразить реально происходившую и происходящую эволюцию производственных отношений капитализма под влиянием как развития производительных сил, так развертывания собственной внутренней логики противоречий капиталистических производственных отношений.

Задачу построения *именно такой системы* на основе как обобщения достижений наших предшественников, некоторые из которых были упомянуты выше, так и наших с А.И. Колгановым оригинальных исследований, и была нами поставлена в нашей книге «Глобальный капитал». Безусловно, мы не решили её в полной мере, но *определенные результаты мы получили и хотим их представить в данном тексте. Он имеет весьма своеобразный жанр – это своего рода автореферат третьего, двухтомного издания названной выше работы.*¹²

Появление этой статьи вызвано причинами двойского рода. С одной стороны, нам хотелось самим выделить наиболее значимые результаты, которые, как нам представляется, получены в книге, большой размер которой сильно затрудняет её целостное восприятие. С другой стороны, как показали обсуждения нашей работы в ряде университетов и исследовательских центров России, а также в Кембридже, Пекине и др. и вышедшие рецензии¹³, читатель

¹⁰ Подробнее см.: Ильенков Э.В. Диалектика абстрактного и конкретного в «Капитале» Маркса. М.: Изд-во АН СССР, 1960.

¹¹ Маркс К. Введение (из экономических рукописей 1857-1858 годов) // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 12. С. 727 и др.

¹² См.: Бузгалин В., Колганов А.И. Глобальный капитал. В 2-х тт. Т. 1. Методология: По ту сторону позитивизма, постмодернизма и экономического империализма (Маркс re-loaded). Изд. 3-е, испр. и сущ. доп. М.: ЛЕНАНД, 2015; Бузгалин А.В., Колганов А.И. Глобальный капитал. В 2-х тт. Т. 2. Теория: Глобальная гегемония капитала и её пределы (Капитал re-loaded). Изд. 3-е, испр. и сущ. доп. М.: ЛЕНАНД, 2015.

¹³ См.: Зотова Е.С. АнATOMия глобального капитала: взгляд сквозь призму философии хозяйства // Философия хозяйства. 2014. № 6. С. 232-238; Зотова Е.С. АнATOMия глобального капитала: взгляд сквозь призму философии хозяйства – 2 // Философия

в большинстве случаев не обратил внимания на методологические особенности книги, да и мы, что греха таить, далеко не везде акцентировали и четко сформулировали присутствующие там диалектические связи.

Восполняя этот недостаток, в данной статье мы постараемся, во-первых, выделить своего рода «пункты новизны» нашей книги и, во-вторых, указать на «узловую линию» основных переходов в *восхождении от абстрактного к конкретному применительно к категориям, отражающим взаимосвязь производственных отношений капитализма на современном этапе его развития*, проследив одновременно их эволюцию по сравнению с тем состоянием, которое было отражено в «Капитале» К. Маркса.

2.

Предварить решение второй задачи мы хотели бы краткой аннотацией *основных методологических разработок*, представленных в I томе нашей работы, названном весьма пространно – «Глобальный капитал. Методология: По ту сторону позитивизма, постмодернизма и экономического империализма (Маркс reloaded)». В нем мы, как и анонсировано, предприняли попытку реактуализировать и «перезагрузить» методологическое наследие великого мыслителя XIX века. Естественно, что такая постановка проблемы обусловила необходимость прежде всего показать, что именно и по каким причинам *сохраняет свою актуальность и требует перезагрузки, реактуализации, а что устарело и требует критического обновления в методологии К. Маркса*. Анализ этой проблемы и *систематизация основных направлений исследований в постсоветском марксизме* стали исходным пунктом первого тома нашей работы.

Оираясь на традиции критического советского марксизма (наследие, которое в нашем пространстве все больше получает имя «ильинковского»), в книге аргументирована необходимость реактуализации *метода восхождения от абстрактного к*

хозяйства. 2015. № 1. С. 270-278; Павлов Р.Н. Новое время в зеркале «Капитала» (рецензия на книгу А.В. Бузгалина и А.И. Колганова «Глобальный капитал») // Экономическая наука современной России. 2015. № 1. С. 136-139; Эпштейн Д.Б. Эссе о Перформансе по поводу книги «Глобальный капитал» (о презентации книги А.В. Бузгалина и А.И. Колганова «Глобальный капитал» 29 октября и 1 декабря 2014 года) // Вопросы политической экономии. 2015. № 1. С. 136-140.

конкретному¹⁴ и историко-генетического подхода и систематизированы их ключевые положения. Как мы покажем ниже, применение историко-генетического метода к исследованию «позднего капитализма» позволило нам, восходя от абстрактного к конкретному, показать, как видоизменяется в условиях позднего капитализма природа товара, денег, капитала, отношений воспроизводства и т. д.¹⁵

Самым важным и сложным в методологии исследования сегодняшнего состояния глобального капитализма, на наш взгляд, оказалась не просто фиксация того, что капитализм находится в состоянии (1) «заката»¹⁶, а это значит – (2) трансформации в качественно новое состояние (этот принципиально важный вывод был сделан ещё Лениным, хотя ныне почти полностью «забыт» даже марксистами), а выведение следствий из этого положения. Одним из таких следствий стало исследование специфики использования диалектического метода для исследования трансформационных состояний. Результатом этой работы стало, частности, дополнение классической марксистской диалектики, ориентированной по преимуществу на исследование линейного прогресса и качественных скачков, теорией не только *про-*, но и *ре-*гресса, не только э-, но и инволюции; не только реформ и революций, но и *контр*-реформ и *контр*-революций как атрибутов трансформационных процессов, периодов генезиса и «заката» социально-экономических систем. Более того, мы предложили гипотезу о том, что эти состояния доминируют в историческом времени.

¹⁴ Ряд этих положений представлены далее в нашем тексте, а более подробно особенности применения метода восхождения от абстрактного к конкретному для раскрытия природы и сущности проявлений глобального капитализма освещены в упоминавшейся выше нашей статье в «Вестнике Московского университета. Серия 6. Экономика» (2016, № 1).

¹⁵ Подчеркнём, что наша попытка отразить такие изменения в условиях современного этапа развития является развитием традиций т. н. «щаголовской» школы политэкономии экономического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, которая обогатила марксистскую мысль рядом фундаментальных исследований актуальных для того времени проблем общественно-экономической жизни и в рамках которой авторы «Глобального капитала» выросли и сформировались как учёные.

¹⁶ «Империализм есть особая историческая стадия капитализма. Особенность эта тройкая: империализм есть (1) – монополистический капитализм; (2) – паразитический или загнивающий капитализм; (3) – умирающий капитализм» (см.: Ленин В.И. Империализм и раскол социализма // Ленин В.И. Полн. собр. соч. Изд. 5-е. Т 30. М., 1973. С 163).

Ещё одним следствием стало обоснование вывода о том, что для трансформационных состояний характерны мозаичность социального времени и пространства: в рамках одной и той же страны могут существовать и «перемешиваться», «раскалываться» и «слепляться» фрагменты трансформирующихся систем (классический пример – многоукладность экономики и общества СССР в период нэпа).

Отсюда ещё один вывод: в условиях качественных трансформаций общественная динамика принципиально нелинейна и нелинейность эта не случайна, она обусловлена спецификой противоречий, вызывающих нелинейность трансформаций. Вследствие этих противоречий (они раскрываются, напомним, в I томе «Глобального капитала») для процесса трансформаций характерна не просто многосценарность, но определяющая зависимость реализации того или иного «сценария» от «субъективного фактора». Проще говоря, в периоды заката старой системы и рождения новой то, как именно пойдет этот процесс, быстрее или медленнее, с большими или меньшими отклонениями от «красной линии» истории, – все это зависит в определяющей степени от политических и культурных факторов, включая роль великих социальных творцов-революционеров. Причина этого достаточно проста. В эти периоды базисная социально-экономическая детерминация ослаблена: старая система уже умирает, новая ещё не родилась. Применение именно этих относительно новых¹⁷ методологических разработок для исследования процесса «заката» капитализма и нелинейной диалектики э/инволюции товара, денег и капитала позволило нам получить те результаты, которые мы представили во II томе нашей книги.

Современный капитализм характеризуется, однако, не только социально-экономическими, но и технологическими трансформациями. Главным образом они исследуются во II томе «Глобального капитала», но и в I томе немалое внимание мы

---

¹⁷ Конкретные проявления большинства из этих закономерностей были не просто раскрыты, но и практически реализованы в процессе созидания предпосылок революции и начала социалистического строительства В.И. Лениным и его соратниками. В настоящее время некоторые из них (в частности, противоречия «отступления») комментируются С. Жижеком.

уделили раскрытию специфики использования диалектического метода в социальном пространстве-времени *сетевых структур и сотворчества*. Эта методология применена далее для исследования природы сетевого рынка, рынка симуляков, виртуальных денег, специфики эксплуатации креативного работника, новых принципов социальной организации и структуризации позднего капитализма.

Среди других авторских разработок, представленных в I томе, можно отметить реактуализацию теории *превратных форм*. В частности, мы показали, что современный капитал приводит к «удвоению превратностей»: фетишизм товара, денег и капитала мультиплицируется превратностью их симулятивных форм.

Реактуализация диалектического метода позволила дать конструктивную *критику позитивизма и постмодернизма*, показать *причины и последствия* их господства в современных общественных науках. Мы постарались доказать, что эти тренды возникают не вследствие изменений в «моде» социальных исследований, а вследствие объективных изменений в материально-техническом и социально-экономическом базисе. Среди последних в данном случае наиболее важными являются процессы развития сетевого тотального рынка и гегемонии капитала, ориентированного на прогресс превратного (производящего лишь по видимости полезные продукты) сектора. Логическим продолжением этого тезиса стал вывод: господство постмодернизма и позитивизма оборачивается отказом (даже в марксистской среде) от фундаментальных методологического-теоретических исследований. Следствием этого, в свою очередь, становится тотальное распространение в общественных науках прагматизма, узкотемья и, в конечном итоге, экономического империализма. Все это оборачивается не столько отрицанием «больших нарративов» вообще, сколько закреплением «нарратива» методологического индивидуализма и других атрибутов неолиберального тренда как якобы «естественной» основы социальных исследований.

Обращаясь к сфере *социальной философии* и отталкиваясь от разработок ряда марксистов-«шестидесятников», мы прежде всего напомнили читателю, что *марксистская периодизация исторического процесса не сводима к известной «пятичленке»*. Современный марксизм подчеркивает важность выделения системного качества мира социального отчуждения (в терминологии

К. Маркса – предыстории, «царства [экономической] необходимости»). Интегрируя этот тезис с высказанными выше соображениями о трансформационном характере современной эпохи, мы получим вывод, лежащий в основании авторской концепции: «закат» капиталистического способа производства неслучайно исторически и логически совпадает с «закатом», преходением «царства необходимости». Диалектическое взаимоналожение этих двух процессов служит постоянным контекстом нашего исследования позднего капитализма. В силу этих причин в основу всех последующих положений «Глобального капитала» положена гипотеза: начиная с XX века человечество вступило в эпоху нелинейной (в социальном времени) и неравномерно-мозаичной (в социальном пространстве) трансформации «царства необходимости» в «царство свободы», совпадающей с процессом «заката» капиталистической общественно-экономической формации и генезиса социализма.

Эта гипотеза подкрепляется в книге анализом взаимодействия производительных сил и производственных отношений. На основе обращения к методологии марксова анализа подчинения труда капиталу, мы показали не только прямую, но и обратную связь в этом взаимодействии и, в частности, раскрыли социально-экономический механизм формирования характерного для позднего капитализма особого типа производительных сил, стимулов и пределов их развития. Эта методология позволила нам раскрыть важные черты специфики производительных сил позднего капитализма и пределов этой системы.

К скорее философским, нежели политэкономическим положениям следует отнести и рассматриваемое в I томе книги *противоречие общественного бытия, в котором человек выступает одновременно и как творец истории, и как функция объективных отчужденных общественных сил*, и которое лежит в основе исторического *про/ресса* и обуславливает основные черты марксистской теории человека. На этой основе мы показали, что для марксистской теории и, особенно, её представителей середины XX века, характерно предельное внимание к проблеме человека и его общественного бытия. Опираясь на разработки наших заочных и

очных учителей-«шестидесятников»¹⁸, мы предложили оригинальное системное представление социально-экономических основ теории Человека, что, в свою очередь, легло в основу раскрытия системы отношений социального отчуждения и предпосылок социального освобождения Человека.

Продолжая эту линию, базируясь на своих разработках в области диалектики трансформаций, про- и регресса, мы предлагаем совокупность оригинальных положений, характеризующих не только социально-экономические трансформации, но и вопросы *социопространственного* (а не только социовременного – теория формаций) измерения общественного бытия. Это позволило нам, в частности, предложить гипотезу возможного выделения стадий (генезис, развитое состояние, «закат») и моделей (мутаций) *единого добуржуазного способа производства*, объясняющую многообразие исторических форм последнего. Предпосылкой этих выводов стал критический диалог с теоретиками мир-системного анализа¹⁹.

Эти классические и новые положения социальной философии марксизма позволили нам дать конструктивную *критику «цивилизационного подхода»* и показать, что ключевые проблемы современности и, в частности, *выделение специфики российского социума*, находят свое адекватное объяснение и без использования этой методологии, на основе марксистской философии истории.

В третьей части I тома, посвященной проблемам методологии политической экономии, проводится последовательное обоснование гипотезы «периодической системы» элементов экономики, которая лежит в основе *универсальной модели структуризации и типологизации социально-экономических систем*. Эта модель базируется на выделении единой системы параметров, позволяющих показать структуру и основные свойства любой экономической системы (человека, предприятия, транснациональной корпорации,

---

¹⁸ Среди них назовем уже упоминавшиеся работы Б. Оллмана, а также работы Э. Фромма («Бегство от свободы», «Иметь или быть» и др.), коллективную работу «Проблема человека в современной философии» (М.: Наука, 1969), и др.

¹⁹ Основные положения концепции мир-системного анализа приведены в работах её основателя – И. Валлерстайна (см.: Валлерстайн И. Анализ мировых систем и ситуация в современном мире. / Пер. с англ. П.М. Кудюкина под общей ред. Б.Ю. Кагарлицкого. СПб.: Университетская книга, 2001; Wallerstain I. World-system analysis. An Introduction. Durham, 2004). К авторам, развивающим эту концепцию, можно отнести также С. Амина и др.

региона, национальной или международной макросистемы), а также её «адрес» в многомерном социально-экономическом пространстве. Подобно тому, как система пространственных координат позволяет определить местоположение любого объекта в географическом или астрономическом пространстве (адрес человека в городе, координаты города на планете Земля, астрономические координаты Земли...), так и «координаты» любого объекта в экономическом пространстве могут быть определены при помощи таких параметров как материально-техническая база системы, характерные для нее отношения координации, присвоения и отчуждения, воспроизводства и др.

Данная модель не постулируется, а выводится нами как из анализа объективных процессов радикальных трансформаций («сломов» экономического бытия, обнажающих структуру системы), так и из обобщения существующих экономических теорий (в основу последнего положена марксистская теория структуры экономической системы, в частности, разработки в области логики «Капитала» и результаты исследований «цаголовской» школы политэкономии).

Большое внимание в I томе уделяется *критике тотальной экспансии economics'a и являющегося его продолжением т. н. «экономического империализма*. Раскрываются как причины массового распространения этого явления (прежде всего, тотальность рынка, все более подчиняющего себе не только экономическую, но и все остальные сферы человеческой жизни), так и негативные последствия этой экспансии для развития экономической теории и хозяйственной практики. Доказывается, что в области теории «экономический империализм» приводит к редукции все более широкого круга социальных и гуманитарных исследований к узко функциональному описанию взаимодействия различных акторов рынка. В области практики – к укреплению рыночного фундаментализма.

Ещё одна сторона нашего вклада в критику мейнстрима – анализ феномена, который мы обозначили как «рыночноцентричность» господствующей ныне ортодоксальной экономической теории. Этот подход мейнстрима приводит к тому, что его сторонники как бы «неявно» отождествляют экономику вообще с одной-единственной из исторически возможных форм

хозяйствования – рынком. В результате все нерыночные экономические отношения сводятся к его «провалам».

Критика «рыночноцентризма» важна не только сама по себе, но и потому, что позволяет сделать ряд важных выводов. Во-первых, развенчать довлеющий над современной экономической наукой дискурс «естественности» рынка как единственной возможной формы экономической координации и показать его исторически ограниченные основания в отношениях рыночного фетишизма и его более современных модификаций. Во-вторых, эта критика позволяет переосмыслить природу т. н. «провалов» рынка и государственного регулирования, показав, что во многих случаях это не подлежащее минимизации «административное вмешательство в экономику», а ростки пострыночных экономических отношений, указывающих на начало самоотрицания капиталистической системы.

3.

На основе коротко анонсированных выше методологических разработок во II томе книги, названном «Глобальный капитал. Теория: Глобальная гегемония капитала и её пределы (Капитал re-loaded)», мы предлагаем авторский вариант основных «реперных точек» *обновленной системы категорий «Капитала», отражающих новое состояние глобального капитализма*.

Предпосылкой выделения этой системы стал анализ основных ступеней развития производительных сил и производственных отношений капитализма в XX веке. Сделать это было тем легче, что эта работа во многом уже была проделана ранее в рамках марксистской парадигмы.

Итак, *историческое развитие капитализма* с момента написания «Капитала» К. Маркса прошло несколько ступеней.

Конец XIX – начало XX века ознаменовались значительным ростом концентрации и централизации капитала, приведшим к образованию промышленных и банковских монополий, и формированию на этой основе финансового капитала. Произошло сращивание силы монополий с силой капиталистического государства и, под эгидой последнего, рост экспорта капитала на некапиталистическую периферию, в значительной мере находящуюся под прямым колониальным контролем стран-метрополий. Сформировался территориальный и экономический

раздел мира²⁰. Эти изменения опирались на значительное совершенствование производительных сил: развитие средств транспорта и связи, начало формирования методов поточно-массового производства.

Все это ознаменовало собой первый исторически этап развития позднего капитализма. Возникла система отношений, где «свободная конкуренция ещё царит, но уже подорвана»²¹. Эти исторические изменения могут быть отражены и теоретически как *подрыв исходного отношения этой системы – товара – и формирование нового типа отношений, имеющих форму рынка*.²² К вопросу о природе этого нового рынка и лежащих в его основе отношений мы вернемся позже, а пока зафиксируем: перед нами начало периода *позднего капитализма* – такой стадии развития этого способа производства, на которой дальнейший прогресс последнего возможен только за счет противоречивого включения в ткань социально-экономической жизни ростков посткапиталистических (и, в частности, пострыночных, таких как, например, планирование) отношений.²³

---

²⁰ Следует обратить внимание в этой связи на почти забытую работу В.И. Ленина «Империализм, как высшая стадия капитализма» (см.: Ленин В.И. Империализм, как высшая стадия капитализма // Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 27. С. 299-426). Написанная 100 лет назад на базе обобщения большого эмпирического материала и в диалоге с известными книгами Гильфердинга и Гобсона (см.: Гильфердинг Р. Финансовый капитал. Новейшая фаза в развитии капитализма / Новое пересмотренное издание. Пер. с нем. Н. Степанова. М.: Гос. изд-во, 1922 [новое издание: М.: Либроком, 2011], Hobson J.A. Imperialism: A Study. London, 1902 [русск. перевод: Гобсон Дж. Империализм. Харьков, 1918; Л., 1927]), она не только дает точный (хотя и весьма политически заостренный) анализ особенностей сложившегося тогда нового типа капитализма, но до сих пор сохраняет свою актуальность в той мере, в какой нынешний капитализм все еще остается империализмом (см.: Labica G. From Imperialism to Globalization // Lenin Reloaded: Towards a Politics of Truth / Edited by Sebastian Budgen, Stathis Kouvelakis, and Slavoj Zizek. Durham & London: Duke University Press, 2007. P. 222-239).

²¹ См.: Ленин В.И. Цит. соч.

²² Этот методологический вывод был сделан на базе работ Ленина и его коллег еще в 1960-е годы в рамках университетской школы политической экономии в работах Н.А. Цаголова, В.А. Кирова, Н.В. Хессина, А.А. Пороховского и др.

²³ Подробнее см. соответствующие разделы во 2-ом томе «Глобального капитала». Наиболее близкая к авторской позиции представлена в работах Э. Мандела и Ф. Джеймисона (см.: Mandel E. Late Capitalism. L.: Verso, 1975; Jameson F. Postmodernism, or, The Cultural Logic of Late Capitalism. Durham: Duke University Press, 1991).

Период после Первой мировой войны ознаменовался дальнейшим прогрессом в производительных силах, что привело к феномену не только массового производства, но и массового потребления. Вместе с ростом численности и квалификации промышленного пролетариата увеличивалась также и инженерно-управленческая прослойка, формировался массовый слой « рядовой» интеллигенции (учителя, врачи, деятели культуры). Эти изменения привели к росту культурного уровня, самосознания, активности и требований трудящихся классов, что, в свою очередь, через череду острых классовых конфликтов, потребовало от государства принудить капитал к выработке различных форм социальных компромиссов, диффузии классовой структуры и формированию т. н. «среднего класса», быстрому прогрессу сфер с бесплатным доступом большинства населения к фундаментальным благам (образование, здравоохранение) и т. п. А дестабилизация воспроизводства капитала в общественном масштабе под влиянием монопольных эффектов потребовала усиления регулирующей роли государства для обеспечения экономического развития. Данные тенденции наиболее полно проявили себя в послевоенный период, в 50-е – 60-е годы XX века. В это же время происходит вынужденный отказ капитала от применения методов прямого колониального господства и переход к политике неоколониализма.

В результате этих изменений значительная часть экономики была частично выведена из-под действия закона стоимости и рыночных регуляторов. Деньги во всех этих пространствах экономической жизни в определенной мере перестали играть роль меры общественного богатства и средства обмена и распределения благ: в таких базовых для экономики сферах как образование, здравоохранение, экология, занятость (пособия по безработице, бесплатная переквалификация), социально-гарантированный минимум широкие слои общества стали получать блага не по законам рынка, бесплатно или по фиксируемым ценам. Это был второй исторически этап развития позднего капитализма, ознаменовавшийся социализацией экономики. Логически он может быть определен как *подрыв роли денег как всеобщего эквивалента и генезис отношений вне(пост)денежного распределения благ*.

Начиная с 1970-80-х годов в экономиках развитых стран стали развиваться заметные структурные сдвиги, опиравшиеся на

рост производительности труда в обрабатывающей промышленности, что привело к переливу рабочей силы из промышленности в сферу услуг. Одновременно развивались процессы капиталистической глобализации и формирования транснационального капитала, приведшие к значительному ввозу промышленного капитала в страны с более дешевой рабочей силой. В этот же период разворачивается информационная и телекоммуникационная революция, обеспечившая как совершенствование технологий материального производства, так и создание технологических предпосылок для развертывания глобального финансового рынка. Непрерывное применение новых знаний в экономике приобретает столь существенное значение, что производственный процесс превращается в цепь непрерывных инноваций и критически зависит от производства и распространения новых знаний и информации. В этот период происходит определенный ренессанс либеральных подходов к экономике, сопровождающийся проникновением рыночных принципов в ранее слабо затронутые ими сферы. Сутью этого этапа стала экспансия гегемонии капитала вширь (неолиберальная глобализация) и вглубь (превращение в капитал всех сфер жизни человека и общества, культуры и природы, нашедшее свое отражение в таких категориях как человеческий и социальный, культурный и природный «капитал»). Завершение этого процесса нашел в феномене «финансиализации» – своеобразном отрицании отрицания ростовщического капитала...

Эти сдвиги в совокупности привели к формированию феномена «позднего капитализма», в котором торжество неолиберализма парадоксальным образом сочетается с накоплением предпосылок и элементов самоотрицания капиталистических производственных отношений. Можно даже сказать, что специфика современного «позднего капитализма» заключается именно в том, что он не может существовать, не превращаясь отчасти в свою собственную противоположность.

Существенно, что в основе этого лежат кратко упомянутые выше изменения в производительных силах.

Каким же образом вся эта цепь трансформаций капитализма может получить отражение в развертывании категорий, опирающемся на метод «Капитала»?

4.

Когда мы обращаемся к проблематике основополагающих, базисных категорий «Капитала» в связи с характеристиками товарного производства и стоимости, то, разумеется, главное, что мы видим – это *подрыв товарного производства в связи с диффузией стоимости и исчезновением универсального феномена свободного конкурентного рынка*. То, что товар есть продукт обособленных частных производителей – эта характеристика в современном капитализме в полной мере уже не действует. Она, разумеется, не отрицается полностью, потому что даже сверхкрупный транснациональный капитал – это частный капитал, и он тоже действует как обособленный частный агент на рынке. Но, тем не менее, ситуация, когда все производители являются атомизированными, обособленными, независимыми друг от друга и действуют исключительно на свой страх и риск, давно уже не существует как реальность. Причина этого в том, что, с одной стороны, сверхкрупный капитал оказывается способным влиять и на соотношение спроса и предложения, и на динамику цен, и на другие параметры рынка, манипулируя акторами товарно-денежных отношений. С другой стороны, потребители и большая часть производителей оказываются объектами такого манипулирования со стороны корпоративного капитала.

Для обеспечения такого влияния современный крупный капитал опирается не только на высокий уровень концентрации и специализации (формы обобществления, характерные для позднеиндустриального производства), но и на сетевую организацию производства и рынка как общий принцип современного этапа обобществления производства. Последний отчасти вытесняет, а отчасти дополняет прямой контроль через права собственности. В результате гигантские транснациональные капиталы (1) неформально и неявно соединяются в сети акторов «кооперативного капитализма»²⁴, которые (2) формируют целые сети

---

²⁴ Речь идёт о pragmatичном партнёрстве с конкурентами, характерном для ТНК, цель которого – совместное распределение фондов, вложение капиталов, разработка новых технологий и т. п. (см., напр.: Greider M. One World, Ready or Not. The Manic Logic of Global Capitalism. N.Y., 1997. P. 171). Отметим, что с нашей точки зрения эти «кооперативные» усилия на самом деле являются всего лишь новой формой борьбы корпораций, снимающей механизмы конкуренции. Более того, в разных странах в

зависимости, тем самым (3) обретая способность манипулировать менее крупными капиталами, вовлекаемыми в эти сети (без установления прямого контроля), не говоря уже о рядовых потребителях. Так на смену свободному рынку авторизированных производителей приходит *манипуляторный рынок сетей*.

Более того, современный (третий в приведенном выше перечне) этап неолиберального капитализма с его всеобщей коммодификацией и капитализацией всех сфер жизни человека и общества делает этот манипулятивный рынок сетей *тотальным*, выходящим за рамки экономики как таковой.

На этой основе развиваются и другие процессы, связанные с изменением *природы самого товара*, а соответственно, и *природы стоимости*. Тот продукт труда, о котором писал Маркс в 1 главе I тома «Капитала», и стоимость которого определялась затратами абстрактного труда на его воспроизводство, т. е. на его регулярное производство, – этот продукт труда сохраняется, но наряду с ним во все более *массовом* масштабе появляются новые своеобразные продукты. Это результаты творческой деятельности, о которых невозможно сказать, какова стоимость их воспроизводства, потому что это продукты уникальные, *невоспроизводимые*. Точно так же, наряду с привычным нам товаром, обладающим определенной потребительной стоимостью (полезностью), – все равно, вещественной или невещественной (как в случае с услугами) – который, поступая в потребление, в потреблении же уничтожается, возникают своеобразные продукты, которые в потреблении не

разной мере, но в общем и целом повсеместно, развивается такой Alter Ego «кооперативного» капитализма, пронизанного корпоративными иерархиями, как «блатной капитализм» (crony capitalism) (см., например: Singh A., Zammit A. Corporate Governance, Crony Capitalism and Economic Crises: Should the US business model replace the Asian way of “doing business”? // Corporate Governance: an International Review. 2006. Vol. 14. № 4. P. 220-233; Stiglitz J. Crony capitalism American-style // Project Syndicate, February 2002 [available at: <http://www.project-syndicate.org/commentary/stiglitz11/English>]). По мере развития информационного, профессионализированного, зависимого от «человеческих качеств» общества, «партнерство», своего рода «дружба» – то, что в последние десятилетия стали называть «социальным капиталом» – все это становится формой взаимодействий относительно равноправных партнеров, борьба которых обретает новую основу, скрытую за превратной формой «партнерства». Подробнее об особенностях кооперации и борьбы корпоративных сетей см. соответствующий раздел II тома «Глобального капитала» (с. 161-174).

уничтожаются. Более того, их ценность в потреблении может возрастать. К такого рода необычным товарам относятся вовлекаемые в товарный оборот интеллектуальные продукты и культурные блага.

Во всех этих случаях в основе их создания лежит творческая деятельность – всеобщий труд, который с самого начала и непосредственно является общественно-необходимым и который поэтому по определению не может быть частным. Однако он таковым становится в условиях современного рынка, который превращается в тотальный и поглощает феномены, товарами не являющиеся. Такими не-товарами по содержанию, но товарами по форме становятся все результаты творческого труда. По содержанию они – уникальное и неограниченное непосредственно-общественное благо, которое нельзя потребить, но которое каждый актор может распределять бесконечно. Но если на это общественное по своему содержанию благо «надета» экономическая форма частной собственности, оно становится товаром.

Приведем только один пример. По своему содержанию программные продукты корпорации Microsoft есть уникальный неограниченный продукт, который с «технической» точки зрения может копироваться бесконечно, не теряя своих полезных свойств. Товаром его делает исключительно форма частной собственности. Если на сходный продукт – скажем, программное обеспечение системы Linux – эта форма не надета, то он распространяется бесплатно и не становится товаром. В этом, в частности, тайна предметов частной интеллектуальной собственности.

Ещё более замысловатой и далекой от исходного содержания формой становится товар-симулякр.²⁵

В результате всех этих изменений развивается явление, получившее название «деструкция стоимости»: стоимостное отношение, охарактеризованное в «Капитале», начинает трансформироваться вследствие зарождения в его содержании элементов других, постстоимостных отношений. Размывание стоимостной основы современного производства своей наиболее глубинной основой имеет изменение характера человеческой

²⁵ Подробнее см. раздел «Политическая экономия товара-симулякра» во II томе «Глобального капитала» (с. 187-196).

деятельности. Возрастание значения деятельности, с одной стороны, не ориентированной на приобретение вещного богатства, а с другой – полностью преодолевающей обособленность частных производителей, означает расширение сферы деятельности, которая содержательно не соответствует стоимостной форме. Однако поскольку товарное производство ещё остаётся господствующей формой производства, постольку, как мы сказали выше, оно надевает стоимостную форму на все виды деятельности, хотя качественная и количественная определенность стоимости при этом размывается.

Происходит предсказанный ещё К. Марксом подрыв стоимостной основы производства вместе с возрастанием значения технологического применения науки и получаемых с её помощью новых знаний. Деструкция стоимости как отношения основана на том, что в производстве знаний, как и в производстве симулятивных благ, размываются:

- объективные критерии затрат труда на их производство;
- объективные критерии полезности производимых продуктов.

Деструкция стоимости развивается не только применительно к этим своеобразным товарам (как интеллектуальным продуктам, так и товарам-симулякам), но и применительно к обычным товарам, потому что в производстве этих товаров интеллектуальная составляющая начинает играть все более и более значительную роль по сравнению с обычными затратами труда.

Мы далеки от того, чтобы на этом основании говорить о коренном изменении природы обычного материального продукта, потому что знания, которые применяются в процессе производства – это неотъемлемая часть трудового процесса. Тем не менее, мы видим изменение соотношения между тем, что называется репродуктивным трудом и творческой деятельностью²⁶ в создании этих материальных продуктов, повышение знаний о материальном производстве.²⁷

---

²⁶ Подчеркнём: эта пара понятий далеко не во всем совпадает с традиционно используемой в данном случае парой «физический и умственный труд».

²⁷ См.: Бодрунов С.Д. Грядущее. Новое индустриальное общество: перезагрузка [НИО.2]. М.: Культурная революция, 2016.

В заключение подчеркнём и ещё один общеизвестный феномен, трансформирующий природу товарных отношений в условиях позднего капитализма – *непосредственно-общественное (в частности, государственное) воздействие на экономику*, выводящее из-под регулирующей роли закона стоимости в большей или меньшей степени некоторые сферы хозяйства (хорошо известно, что от 1/3 до 1/2 ВВП в развитых странах распределяется и перераспределяется через государственные бюджеты всех уровней по преимущественно нерыночным критериям и законам).

Существенно, что все эти трансформации товара и рынка покоятся на существенных изменениях в производительных силах (обобществление в индустриальных сферах, сетевая организация производства, рост роли креативной деятельности). С этого тезиса мы начали наш анализ в этом разделе и им мы его завершаем.

Подводя итог, подчеркнем: без понимания изменений в системе отношений товарного производства и стоимостных отношений нельзя вполне понять эволюцию и всех остальных отношений современного капитализма – денег, капитала и т. д. Так, частичный подрыв обособленности и атомизации производителей вследствие развития процессов обобществления и сетевой организации воспроизводства, локальное корпоративное манипулирование и государственное регулирование, прогресс креативной деятельности и экспансия рынка симулякров – все эти противоречивые тенденции вызывают и трансформацию качества денег, превращая их в виртуальный продукт финансовых сетей и государственного регулирования, что подрывает их качество всеобщего эквивалента и ограничивает пространство их функций.

5.

Обычно *эволюция денег в условиях современного капитализма* исследуется изолированно, как бы «сама по себе». В работах сотен авторов, принадлежащих к разным школам экономической теории, фиксируется, что происходит утрата золотом функции всеобщего эквивалента, что бумажные деньги отрываются от золотой основы, что деньги все более и более приобретают облик не просто кредитных денег, а фиктивного капитала, и т. д., и т. п. Но дело в том, что все это происходит не «само по себе» и не потому, что «так получилось» при капитализме: такое изменение облика

денег диктуется, с одной стороны, эволюцией отношений товарного производства, эволюцией его характеристик при капитализме, а с другой – эволюцией производительных сил и, в частности, компьютерной революцией. Эти изменения, вызывающие диффузию стоимости, тотальность рынка и его манипулятивно-сетевую организацию закономерно порождают и соответствующие данному товарному производству деньги. Деньги, как всеобщий эквивалент, воплощающий в себе общественный абстрактный труд, меняются вместе с размыванием последнего.

Уже в ходе становления классического капитализма происходит переход от денег, основанных на золотом эквиваленте, к кредитным деньгам. Этот переход составлял необходимую основу для дальнейшей эволюции природы денег, когда они из товара – всеобщего эквивалента стали превращаться сначала в момент обращения функциональной формы капитала – денежного капитала, а затем, по мере превращения последнего в обособившуюся форму, – капитала, приносящего проценты. *Денежная масса стала определяться в большей мере не потребностями товарно-денежного обращения как такового, а возможностями мобилизации временно свободного денежного капитала для обеспечения процесса накопления и экспансии капитала.*

Одновременно с развитием кредитных денег происходит переход от монополии государства на чеканку монеты и на эмиссию бумажных денег к регулированию денежной массы как средству макроэкономического регулирования. Регулирование объема денежной массы стало функцией общественного капитала, передаваемой государству как его представителю. Наряду с *прямой* зависимостью денежной массы от скорости и объема оборота товаров, а затем от объема мобилизации временно свободных капиталов в денежной форме, стала приобретать все большее значение *обратная* зависимость роста всего общественного капитала от динамики движения денежной массы, регулируемой государством. Динамика денежной массы, равно как и условия использования ресурсов денег в качестве капитала (величина учетной ставки, операции с государственными ценными бумагами и условия кредита вообще), превратились в рычаг *сознательного воздействия* на пропорции капиталистического расширенного воспроизводства.

Эти процессы определили *разрыв сращенности денег с их золотой оболочкой*. Произошла утрата золотом своей роли специфического денежного товара. Динамика производства золота и цены на него стала во все большей мере определяться закономерностями его движения как обычного, а не специфически денежного товара. Движение денежной массы утратило отчетливую связь с динамикой производства и обращения золота. Золото стало выполнять функцию денежного товара лишь идеально, и лишь в той мере, в какой это касается обращения товаров. Однако и эта объективная основа размывается вместе с развитием государственного регулирования денежного обращения (что нашло отражение в концепции фидуциарных денег²⁸) и вместе с экспансией частной кредитной эмиссии на основе разбухающего оборота фиктивного капитала.

Такая эволюция природы денег тесно связана не только с новым качеством рынка (сетевая структура, манипулятивное воздействие на акторов со стороны корпоративных капиталов и государственное регулирование), но и с отмеченными выше изменениями стоимостной основы капиталистической экономики (размывание количественной и качественной определенности стоимости). Последнее особенно важно для понимания изменений в природе денег. Если значительная часть товаров и капитала имеет в своем основании, с точки зрения критериев товарного производства, неопределенные, расплывчатые стоимостные свойства (что выражается и в трансфертных ценах внутри ТНК, и в бесплатном обороте благ, и в регулировании цен государством, и в неопределенности стоимости информационных благ, знаний и других культурных продуктов, и в нестойкостной природе оценки симулятивных благ, и в вызванной другими причинами неопределенности стоимости фиктивного капитала), то и выражающий эту «расплывчатую стоимость» товар – всеобщий эквивалент не может сохранить строгую количественную и качественную определенность.

---

²⁸ Стоимость фидуциарных денег зависит от доверия, т.к. их внутренняя стоимость существенно ниже номинальной (подробнее см.: Bernard Merdrignac, Andr Chdeville. *Les Sciences annexes en histoire du Moyen ge*. Presses universitaires de Rennes, 1998. P. 77).

Таким образом, в современном позднем капитализме нет такого товара, который может в полной мере служить всеобщим эквивалентом, ибо стоимостное бытие любого из них находится под воздействием подрыва отношений товарного производства, оно неустойчиво, виртуально...

Последнее важно. Вследствие описанных выше изменений и на основе развития компьютерных технологий, породивших *виртуальное экономическое пространство*, наряду с деструкцией стоимости и на её основе произошла *деструкция товарного тела денег*. Теперь деньги, приобретшие в значительной мере функцию мировых денег, представлены набором валют и некоторых ценных бумаг и бытийствуют по преимуществу в виртуальном пространстве. Связь этих валют как мировых денег выражена через взаимные колебания покупательной способности валют. Эту взаимосвязь определяет в конечном итоге жизнедеятельность мирового фиктивного финансового капитала, проявляющаяся на поверхности явлений в таких формах как мировая торговля, иностранные инвестиции и другие трансграничные потоки капитала, отражаемые в торговых и платежных балансах, а также выпуск и купля-продажа государственных ценных бумаг как регулятор объема денежной массы и др.

Кроме того, следует учитывать, что на развитие денег, как и на сами базовые характеристики товарного производства, оказывает влияние и эволюция капитала, потому что в развитой капиталистической системе – в ставшем капитализме – не только товар «деньги» выступает как порождающий капитал, но и деньги выступают и как продукт капитала. Соответственно, от характеристик этого капитала зависит и характеристика денег. Новая природа капитала вызывает и соответствующую природу стоимостного отношения – характеристик товарного производства, характеристик денег. Это значит, что золотой товар и поэтому тоже уже не может реально выполнять функции денежного товара.

Так вырастает свойственное для позднего капитализма *противоречие функции денег как меры стоимости*: с одной стороны, феномен цены по-прежнему существует и в этой мере деньги продолжают выполнять роль меры стоимостей товаров; с другой – форма денег срастается с формой фиктивного финансового капитала и «цена» денег (курс валют, покупательная способность и т. п.)

становится производной от функционирования мирового финансового рынка. Последнее, заметим в качестве примера, особенно наглядно проявляется в экономике РФ, где то, в какой мере рубль выполняет функцию меры стоимости (здесь повтор слова «мера» не случаен) с очевидностью зависит от параметров мирового рынка и, в частности, цены на нефть.

Из этого противоречия с неизбежностью вытекает и новое противоречие *функции денег как средства обращения*: будучи продуктом фиктивного финансового капитала, деньги одновременно превращаются в сознательно регулируемый инструмент воздействия на экономическую систему. Деньги – главный автоматический регулятор рынка, его «невидимая рука», выступают в том же самом отношении и как форма, при помощи которой капиталистическое государство сознательно регулирует капиталистическое производство.

Напомним, что эти изменения тоже связаны со сдвигами в производительных силах, потому что без современных информационных и телекоммуникационных технологий исполнение этой функции было бы затруднено.

Кроме того, на бытие денег в современном капитализме оказывает влияние выход значительной части экономики из-под прямого воздействия денежного регулятора. Во-первых, происходит перераспределение огромных масс стоимости через государственный бюджет по нерыночным или не вполне рыночным критериям. Во-вторых, получает развитие (в сфере интеллектуальных и культурных благ) производство, не ориентированное на денежную выгоду: сектор труда без денежного вознаграждения и сектор бесплатно предоставляемых благ. Тем самым «всеобщность» денег и как меры богатства, и как средства обмена деятельностью и её продуктами и в экспенсивном смысле превращается в «ограниченность».

Оставим в этом тексте в стороне анализ трансформаций других функций денег и сделаем промежуточные выводы: эволюция производственных отношений и производительных сил позднего капитализма приводит к подрыву функций денег и как всеобщей меры стоимости, и как универсального средства обращения.

Как же разрешаются эти противоречия денег?

6.

Естественным продолжением исследования новой природы товара и денег стало *раскрытие изменений в содержании капитала*. В центре II тома книги – трансформация *сущности производственных отношений капитализма – отношения капитала и наемного труда, эксплуатации и воспроизводства*. В соответствующем разделе книги показано, что эти изменения также нарастают исторически и логически.

Напомним читателю, что в системе категорий «Капитала» противоречие денег как качественно безграничных (всеобщий эквивалент и универсальное средство обращения) и количественно ограниченных разрешалось в процессе самовозрастания стоимости, который, в свою очередь, оказывался возможен вследствие появления на рынке товара «рабочая сила», стоимость которого как правило меньше, чем стоимость, которую он может создать. Так на арену экономической жизни у Маркса выходят категории прибавочной стоимости, капитала, наемного труда и эксплуатации. Последняя, напомним, не сводится исключительно к присвоению собственником средств производства прибавочной стоимости (прибыли), но включает и подчинение труда капиталу, основанное, в свою очередь, на отчуждении от работника средств производства, труда и его продукта, а тем самым и его человеческой сущности.

Что же изменяется в этих связях при переходе к позднему капитализму?

Обращаясь к отношениям самовозрастания стоимости, следует обратить внимание на тот факт, что *современный глобальный капитал воспроизводит все формы производства прибавочной стоимости, вплоть до самых архаичных*. С точки зрения пространственной характеристики глобальный капитал сохраняет все предшествующие исторические ступени развития капитализма, и его пространственный срез может выступать как срез истории развития капиталистического способа производства.

Развивая этот тезис мы предложили в нашей книге историко-генетическую, восходящую от абстрактного к конкретному и учитывающую социопространственные противоречия *систему форм и методов эксплуатации работника капиталом, свойственная для глобальной экономики XXI века*. Она включает:

- (1) свойственные для раннего этапа европейского капитализма и для современного этапа капитализма периферийных стран отношения, соединяющие формальное подчинение наемного труда капиталу с отношениями личной зависимости (полурабства);
- (2) «классические» формы эксплуатации и реального подчинения капиталу труда индустриального пролетариата, ставшего ныне как никогда многочисленным в странах периферии и полупериферии;
- (3) методы создания и присвоения монополистической (и империалистической, основанной на эксплуатации периферии) сверхприбыли;
- (4) эксплуатацию финансовым капиталом реального сектора экономики вследствие гегемонии виртуального фиктивного финансового капитала;
- (5) существенно новые отношения эксплуатации креативной деятельности.

О последнем – новом и особенно важном пункте – мы скажем несколько слов ниже, а сейчас подчеркнем: на протяжении всего периода существования капитализма важнейшей чертой этой системы была борьба между трудом и капиталом. К середине XX века она привела к некоторому компромиссу, вызвавшему снижение доли доходов на капитал и увеличение доли трудовых доходов, но этот компромисс оказался неустойчивым, и сейчас капитал отыгрывает своё обратно, возвращая ситуацию, которая была в начале XX века.²⁹

При этом, как мы подчеркнули чуть выше, капитал теперь эксплуатирует труд не только обычным образом, присваивая плоды прибавочного труда в неоплаченное рабочее время. Капитал, в значительной степени в связи с изменением как раз в содержании самого трудового процесса и ростом его интеллектуальной составляющей, присваивает также *результаты применения всеобщих сил человеческого знания*.

Как отмечал К. Маркс ещё в середине XIX века, при капитализме впервые «...процесс производства выступает не как подчиненный непосредственному мастерству рабочего, а как

²⁹ Отражение в структуре и уровне дифференциации доходов компромисса между трудом и капиталом в середине XX века и размывание этого компромисса, начиная с 70-х годов прошлого века, хорошо показано в упоминаемой выше книге Т. Пикетти.

технологическое применение науки. Поэтому тенденция капитала заключается в том, чтобы придать производству научный характер, а непосредственный труд низвести до всего лишь момента процесса производства», более того, «накопление всеобщих производительных сил общественного мозга поглощается капиталом в противовес труду и поэтому выступает как свойство капитала».³⁰ Спустя сто с лишним лет это положение стало как нельзя более актуальным, и это следствие не догадки гения, а строго научного анализа объективных законов развития капитализма.

Как мы отметили выше, современный капитализм, развивший производительные силы до уровня, когда постоянные инновации становятся условием эффективного воспроизводства, во все больших масштабах вовлекает в свою орбиту творческий по своему содержанию труд. Более того, именно это качество труда востребовано современным рынком. Каким же является отношение эксплуатации креативной деятельности?

Теория марксизма подсказывает, что содержание и субъект творческой деятельности качественно отличны от содержания и субъекта репродуктивного индустриального труда. Это отличие связано прежде всего с тем, что творчество – это деятельность, неотчуждаемая от её субъекта. Капитал не может более покупать рабочую силу человека, отчуждая его труд от него самого, и потому он вынужден либо ограничиваться покупкой результата деятельности фрилансера, либо косвенным образом подчинять себе самою личность человека, покупая его «бессмертную душу» – не рукопись, но вдохновенье, попирая знаменитое пушкинское «не продается вдохновенье...».

В результате использующий креативного работника капитал присваивает не только прибавочную стоимость, но и результат всеобщего творческого труда, часть всеобщего культурного богатства человечества, как бы «огораживая» часть всеобщего и по своей природе неограниченно-доступного мира культуры, ограничивая рамками частной интеллектуальной собственности доступ к некоторой его части. Это отношение *по форме* напоминает практику феодализма, когда лендлорд ограничивал доступ к такому

---

³⁰ Маркс К. Экономические рукописи 1857-1858 годов // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 46. Ч. II. С. 205-206.

всеобщему благу как земля, получая в результате этого «огораживания» ренту. Содержание описываемого выше отношения отлично от феодального, но их формы неслучайно совпадают, что подтверждает практика современного капитализма, где *присвоение капиталом интеллектуальной ренты становится одной из основных форм его дохода*.

Содержание и этого нового отношения эксплуатации и подчинения уже даже не труда, но человека, и возникающее здесь противоречие капитала и Человека (а не просто труда) мы раскрыли в нашем двухтомнике «Глобальный капитал», воспользовавшись некоторыми предпосылками, содержащимися в работах А. Горца и С. Жижека³¹.

На этом присвоении сейчас поконится значительная часть той экономической моши, которой обладает современный капитал. Естественно, что эта рента не возникает ниоткуда, это тоже плоды человеческой деятельности, и таким образом, это фактически новая форма экспроприации человеческих качеств, эксплуатации творческого потенциала человека.

Итак, выше мы провели логическую цепочку, выводя новое качество отношения «капитал». Мы начали с характеристики изменения характера деятельности, лежащей в основе товарного производства при капитализме, и через иной тип создаваемого продукта, иные характеристики денег, новые качества работника и новые формы бытия капитала пришли к выведению новых форм производства прибавочной стоимости (эксплуатации), соотнося каждый шаг этого восхождения с реалиями современного капитализма и получая всякий раз подтверждение правомерности своих выводов.

Важно обратить внимание при этом и на то, что отношения подчинения человека капиталом (как и товарные отношения) в современных условиях стремятся выйти за пределы собственно производства, обмена и потребления. Капитал прибегает к паразитизму на социально-культурном бытии человеческого общества, превращая сферу культуры, сферу социализации человека в художественные, образовательные, социальные и т. п. «фабрики»

³¹ Подробнее см. соответствующий раздел II тома «Глобального капитала» (Часть II. Гл. I. Глобальный капитал: содержание и структура отношений эксплуатации. С. 308-388).

по производству прибыли. Этот теоретический тезис марксизма в полной мере подтверждается практиками современных капиталистических отношений и их отражений в неоклассической теории. Коммерциализация человеческого бытия как целого нашла свое отражение в концепциях «человеческого капитала» и «социального капитала», в методологии «экономического империализма» и в идеологическом наступлении неолиберальной идеологии, провозглашающей «орыночнивание» всего, до чего только может дотянуться «невидимая» рука рынка и капитала.

В результате происходит переход к *тотальному контролю капитала над личностью работника как в рабочее, так и в свободное время.* Сегодня в развитых странах капиталистические отношения, в конечном счете, охватили и преобразовали все фазы воспроизводственного процесса. Начиная с середины XX века на полностью капиталистическую основу поставлено производство товаров и воспроизведение рабочей силы. Но капитал не ограничивает себя только рабочим временем. Он стремится установить господство над целостным человеком, над всеми его качествами и способностями. С этой целью он внедряет современные достижения технического прогресса и социальных технологий для манипулирования человеком в его свободное время³², используя рекламу и маркетинг (формирование культа потребительства), технологии политического манипулирования, применяя средства массовой культуры для формирования соответствующего сознания и стереотипов поведения человека. На капиталистическую основу переведены отношения, регулирующие процессы творческой деятельности.

Этому, однако, противостоит противоположная капиталу сила, также изменяющая в некоторой степени свою определённость. Теперь это уже не просто труд наемного рабочего. *Альтернативой капиталу становится и подчиняемый им мир культуры, все пространство створчества.* Одновременно и подчиненным капиталу и противостоящим капиталу (и в этом единстве противоположностей нет ничего особенного – это «обычная» диалектика) становится, тем самым, не только наемный рабочий, но

---

³² Первым это подметил американский социолог Ch.Wr. Mills (см.: Mills Ch.Wr. The Marxists. N.Y.: Dell Publishing Co., 1962).

и субъект творческой деятельности во всем её многообразии – от воспитателя детского сада до ученого, от рабочего-новатора до художника³³.

Более того, капиталу одновременно и подчинен, и противостоит *субъект социального творчества* – различные организации и движения, представляющие собой социалистически-ориентированные институты гражданского общества и политические организации.

Наконец, субъектом такого подчинения/противостояния становится и совокупность акторов того пространства экономики, которое формально выведено из-под власти рынка и капитала вследствие вызванных к жизни противоречиями капитала описанных выше явлений социализации – общественного сектора. Работники т. н. «бюджетной» сферы становятся, тем самым, также и функцией, и антитезой капитала.

Результирующей этого единства и противоположности отношения подчинения капиталу и противостояния ему со стороны наемного труда и мира созорчества становится *новое качество всеобщего закона капиталистического накопления*, претерпевшего немалые изменения в условиях позднего капитализма, связанные прежде всего с развитием социализации экономики. В нашей книге «Глобальный капитал» мы так сформулировали современный вид этой закономерности: *расширенное экстенсивное и интенсивное воспроизводство гегемонии капитала и усиление его экономико-политической власти и богатства, с одной стороны, и ослабление власти и богатства на стороне противоположных капиталу экономико-*

---

³³ Этот тезис весьма корреспондирует с выводами А. Грамши о двойкой роли интеллигенции – как субъекта проведения в жизнь гегемонии капитала и как силы, противостоящей ей (см.: Грамши А. Возникновение интеллигенции / Пер. с итал. Т.З. Клебановой // Искусство и политика: в 2 т. М.: Искусство, 1991. Т. 1. С. 168-184). Практика дает нам массу примеров этой двойственности интеллигенции, которая, с одной стороны, покорно, а ряде случаев сопротивляясь, прислуживает капиталу, а с другой – противостоит ему. Иногда пассивно, иногда активно, иногда возвышаясь до роли лидеров антикапиталистической борьбы.

политических сил³⁴ – с другой, происходит в условиях позднего капитализма в той мере, в какой ослабляется (1) прогресс креатосферы и, соответственно, использование в процессе капиталистического накопления личностных качеств работника как профессионала и креатора, а также (2) социально-творческая активность антигегемонистских сил. Формулировка закона капиталистического накопления эпохи «заката» капитализма и «царства необходимости» может быть представлена и в более кратком виде: между экспансией гегемонии капитала, с одной стороны, и мерой прогресса креатосферы и социального творчества трудящихся, с другой, существует обратно пропорциональная взаимосвязь.³⁵

К началу XXI века развитие производительных сил (и, в частности, изменения в содержании труда и технологиях) привели и к существенному изменению структуры общественного воспроизводства. Более чем 150-летний рост производительности труда привел к тому, что в наиболее развитых странах четверть (если не меньше) населения может создавать все необходимые для производства и потребления материальные блага. Остальные три четверти оказались сосредоточены в сфере услуг. Но эта сфера оказалась крайне неоднородна с политико-экономической точки зрения. Эти изменения позволили авторам предложить, опираясь на исследования наших коллег, новую модель структуры общественного воспроизводства (см. табл. 1).

В качестве критерия выделения двух основных секторов общественного воспроизводства в данной модели используется критерий социально-экономического прогресса (прогресс человека и других компонент производительных сил), на основании которого

³⁴ Подчеркнём: антигегемонистские силы в условиях «заката» не только капитализма, но и «царства необходимости» в целом принципиально многообразны и многомерны (как и силы гегемонии). Они включают как широкий спектр анти(пост-)капиталистических и социально-экономических и политических организаций и движений, так и реформистские структуры. Подробнее об этом мы писали в серии работ по проблемам альтерглобализма (см., например: Кто творит историю – II: альтерглобалистские практики социальных движений и НПО / Под ред. И. Абрамсона, А. Бузгалина, П. Линке, Л. Ожигиной. М.: Культурная революция-ТЕИС, 2011).

³⁵ Подробнее об особенностях трансформации закона капиталистического накопления в условиях позднего капитализма см. соответствующие разделы I тома «Глобального капитала» (с. 389, 396-397, 403-407).

Таблица 1.

Структура общественного воспроизводства рыночной экономики в условиях генезиса массовой творческой деятельности.

Общественное производство				
Реальный (полезный) сектор				
Креатосфера		Материальное Производство		
Формирование человеческих качеств (образование, искусство, здравоохранение и спорт и т.п. – I подразделение общественного воспроизводства)	Использование человеческих качеств для создания феноменов культуры (НИОКР и другие сферы, создающие новые технологии, произведения искусства и т.п. – II подразделение общественного воспроизводства)	Производство средств производства (III подразделение общественного воспроизводства)	Производство предметов потребления и полезных услуг (IV подразделение общественного воспроизводства)	Превратный (бесполезный) сектор

Источник: разработано автором совместно с А.И. Колгановым.

выделяются те сферы общественного производства, которые (1.1.) содействуют прогрессу этих параметров (большая часть отраслей материального производства и креатосферы), и те сферы, где (1.2.) создаются феномены, служащие исключительно целям извлечения прибыли и иным отчужденным целям (геополитическая экспансия и т. п.). Первое – это *реальный сектор*, в котором производятся полезные блага. Второе – *бесполезный сектор*, который более строго может быть назван *превратным*, ибо в нем производятся не полезные для прогресса экономики, общества, человека блага, а

формы, не имеющие действительного содержания и являющиеся по преимуществу симулякрами. Далее на основе такого базового критерия, как содержание труда и (как производного критерия) технологий в рамках собственно реального сектора выделяются сфера материального производства и креатосфера, в которой главную (не обязательно количественно доминирующую, но определяющую лицо и миссию этой сферы) роль играет творческая деятельность.³⁶

Завершает анализ проблем воспроизводства авторский анализ кризисов перепроизводства. В «Глобальном капитале» классическая марксистская теория кризиса использована для анализа мирового финансового и экономического кризиса 2007-2009 годов. Этот кризис, предсказанный ещё в первом издании книги (2004 год)³⁷, по многим базовым параметрам оказался «классическим» (дерегулирование и десоциализация как механизмы высвобождения имманентных для капитализма причин кризиса, перенакопление капитала как его основная причина), но по ряду был обусловлен новыми качествами позднего капитализма (опережающее развитие виртуального фиктивного финансового капитала и др.), раскрытыми нами на основе работ предшественников.

Суммируя анализ отношений позднего капитализма, мы предложили своеобразные *пролегомены марксистской политэкономии глобализации*. Основываясь на оригинальной концепции структуры экономической системы, мы выделили систему противоречий глобализации, ряд из которых хорошо известен (на уровне способа координации – противоречие между глобальным рынком и национально-государственным регулированием, в социальной сфере – глобальное неравенство – национально-государственные системы социальной защиты), но многие выделены впервые. Среди них – противоречие между глобально организованным и представленным основными

³⁶ Подробные характеристики каждой из сфер, выделяемых в нашей модели общественного воспроизводства, приведены в статьях: Колганов А.И., Бузгалин А.В. Реиндустриализация как ностальгия? Теоретический дискурс // Социологические исследования. 2014. № 1. С. 80-94; Колганов А.И., Бузгалин А.В. Реиндустриализация как ностальгия? Полемические заметки о целевых акцентах альтернативной социально-экономической стратегии // Социологические исследования. 2014. № 3. С. 120-130.

³⁷ См.: Бузгалин А.В., Колганов А.И. Глобальный капитал. М.: Едиториал УРСС, 2004.

глобальными игроками капиталом и диффузным, раздробленным, транснационально не организованным наемным трудом.

В книге показано, что в основе этих противоречий лежат специфически-глобальные производительные силы, имеющие не менее противоречивую структуру. Следствием этих противоречий является совокупность отношений глобального насилия (асимметричные войны, политико-идеологическое манипулирование и т. п.), укрепляющих свойственный позднему капитализму механизм накопления через отъятие (accumulation by dispossession)³⁸.

Квинтэссенцией анализа становится выделение структуры и каналов власти внутри транснациональной корпорации, а также систематизация механизмов её манипулятивного воздействия на остальных акторов рынка.

Завершает этот раздел книги разработанная нами теория антигегемонистских сил, включающая оригинальный анализ природы и противоречий альтерглобалистского движения, сетевых («цветных») революций и ростков социально-экономической системы будущего посткапиталистического общества.

7.

Выделенные выше трансформации рынка, денег и капитала обусловливают и изменения обособившихся функциональных форм капитала. В первую очередь речь идет о ссудном и фиктивном капитале. Сам капитал в значительной степени сейчас приобретает форму финансового капитала (что ещё в начале XX века отмечал Рудольф Гильфердинг и о чём, подчеркивая срашивание промышленного и банковского капитала, писал тогда же В.И. Ленин³⁹), причем финансовый капитал существует в оболочке фиктивного капитала. Не в том смысле, что это не капитал, а в том смысле, что этот капитал принимает форму титула собственности (и титула права на доход), и этот титул собственности начинает самостоятельное движение, отрываясь от основы реального капитала. И в этом смысле он фиктивный.

---

³⁸ См.: Harvey D. The “New” Imperialism: Accumulation by Dispossession // Socialist Register. 2004. № 40. p. 63-87.

³⁹ См. цитируемые выше в третьей части статьи сочинения Р. Гильфердинга и В.И. Ленина.

Ставка процента уже не выступает в качестве «якоря», определяющего центр колебаний рыночных котировок акций, поскольку, поскольку в значительной мере разорвана связь между этой котировкой и уровнем выплачиваемых дивидендов. Дивиденд перестал быть основной формой дохода, получаемой от владения акциями, и этот доход стал в большей мере зависеть от динамики рыночных котировок.

Более того, теперь движение фиктивного капитала во многом начинает определять ситуацию на рынке ссудного капитала. Фиктивный капитал воздействует на масштабы и условия предложения ссудного капитала. Кредитные операции, связанные с использованием фиктивного капитала в качестве обеспечения кредита (сделки «репо» и др.), приобретают все более широкие масштабы, и тем самым уже движение фиктивного капитала становится основой динамики ссудного капитала и влияет на ставку процента.

Возникновение финансового капитала покоилось на двух фундаментальных процессах. Во-первых, это приобретение денежным капиталом значения обособленной функциональной формы капитала в виде капитала, приносящего проценты (ссудного капитала). Во-вторых, это образование новых форм взаимодействия обособившихся функциональных форм капитала (промышленного и ссудного), основанное на росте концентрации банковского и промышленного капитала, вплоть до приобретения ими монопольного положения, и сращивания этих последних. В результате *финансовые корпорации, как и всякие другие, обретают способность локального манипулирования другими акторами рынка*, а их конкуренция на рынке капитала отчасти дополняется кооперативными соглашениями манипуляторов.

Однако у финансовых корпораций есть и немалые особенности. Постольку, поскольку крупный капитал обычно приобретает (ещё с середины XIX века) форму движения в виде фиктивного капитала, постольку и финансовый капитал неразрывно связан с обращением фиктивного капитала. Если же принять во внимание указанное выше изменение соотношения между фиктивным и ссудным капиталом, фиктивный капитал выступает уже как преимущественная и едва ли не определяющая форма бытия финансового капитала.

Рост масштабов финансового рынка, рост обратного воздействия движения фиктивного капитала на динамику ссудного, а затем и финансового капитала, а также усиление воздействия финансового капитала на движение промышленного капитала, приводят к возрастанию зависимости движения действительного капитала от движения капитала фиктивного («финансиализация»). Эта зависимость проявляется, прежде всего, через «шоттермизм» (доминирование краткосрочных операций) и высокую волатильность (подверженность плохо предсказуемым колебаниям) финансового рынка, создаваемую как раз мировым масштабом и гигантскими размерами его оборота, параметры которого определяются, прежде всего, оборотом фиктивного капитала, и почти полностью отрываются от состояния действительного капитала.

Материальные предпосылки для этого создают новые производительные силы (в частности, компьютерные технологии, Интернет), а изменения в природе рынка, денег, капитала и труда (тотальность рынка, виртуальность денег, диффузия собственности и доходов, появление массового «среднего класса», формирование «человеческого капитала» и др.) формируют социально-экономические предпосылки для этих изменений.

Вернемся к анализу финансового капитала. Колебания финансового рынка делают условия привлечения финансовых ресурсов в сферу применения действительного капитала в высокой степени неопределенными, увеличивают финансовые риски для производителей. С другой стороны, возможность получения прибыли за счет взлета курсовой стоимости акций ориентируют многие компании не на увеличение эффективности производства и продаж, а на манипуляции, имеющие чисто имиджевый эффект, и призванные воздействовать на повышение (хотя бы кратковременное) курса акций. Происходит перераспределение активов промышленных компаний в пользу инвестиций на финансовом рынке, и извлекаемая на этом рынке прибыль начинает опережать доходы от основной деятельности.

Отрыв фиктивного капитала от своей реальной основы и его относительно самостоятельное движение приобретает в последние десятилетия такие масштабы, которые говорят уже о некотором качественном сдвиге. Такое положение придает фиктивному капиталу, обращающемуся на глобальном финансовом рынке,

свойства *виртуального капитала* – слабо осязаемой реальности, подверженной изменениям практически независимо от процессов, происходящих в мире реального капитала. Однако этот виртуальный капитал обладает существенным влиянием на то, что происходит в действительном мире.

Виртуальный капитал есть капитал *принципиально неопределенный*⁴⁰: мы не можем сказать, какая капитальная стоимость за ним стоит и стоит ли она вообще.

Эта характеристика оказывает очень сильное обратное влияние на процесс воспроизведения реального капитала: последний вследствие этого получает весьма дезориентирующие сигналы со стороны финансового рынка, и процесс накопления и воспроизведения капитала тем самым получает характеристику *принципиальной неопределенности*⁴¹.

Подчеркнем противоречивость этого феномена (она свойственна всем новым формам позднего капитализма – и подрывающим основы капитала, и дающим новые возможности его эволюции). Дело в том, что этот виртуальный капитал (который неизвестно, то ли есть, то ли нет, и в каком масштабе) сыграл свою позитивную роль в экспансии капитализма, снимая противоречия перенакопления капитала в реальном секторе и перенося их на финансовый рынок, создавая там фиктивный спрос, раздувая пузыри и пирамиды и тем самым расширяя пределы экспансии капитала за те рамки, которые он имел раньше и которые ограничивались кредитной системой. Но одновременно виртуальный капитал дестабилизирует процесс воспроизведения, лишая его прочных, четких ориентиров, и в конце концов тот факт, что этот виртуальный капитал на самом деле не может существовать без основы в виде реального производства прибавочной стоимости реальным

---

⁴⁰ Такая характеристика является не проявлением незавершенности исследования, а свойством категорий, отражающих диффузные, как бы «растворяющиеся» в процессе трансформации отношения, типичные для стадии «заката» той или иной системы, в частности, для позднего капитализма.

⁴¹ См.: Minsky H. Stabilizing an Unstable Economy. New Haven, 1986; Minsky H. The Financial Instability Hypothesis. Working Paper № 74. NY: The Jerome Levy Economics Institute of Bard College, May 1992; Levina I. What is Financialization: New Phenomenon, or Periodically Occurring Process? (Manuscript, 2002).

капиталом – мстит за себя, вызывая обрушение этих пирамид, лопание пузырей и финансовый кризис⁴².

Как это и свойственно развитой системе производственных отношений, основание здесь превращается в следствие, а следствие порождает свое основание. В результате в условиях позднего капитализма денежная система выступает как продукт функционирования виртуального капитала. Неопределенность стоимостного бытия денег, определяемая ещё деструкцией стоимости в самом абстрактном основании системы капиталистических производственных отношений (в характеристиках товара, стоимости, абстрактного труда), удваивается той формой, которую надевает на деньги виртуальная природа бытия фиктивного капитала.

P. S.

В качестве коротко послесловия к этой, возможно, чрезмерно пространной и несколько амбициозной статье, позволим себе три финальных ремарки.

Первая. Отметим, что в нашей книге есть и раздел, посвященный *анатомии российских мутаций позднего капитализма*. В этой части книги методология и теория исследования позднего капитализма и трансформационных состояний прилагается в завершающих главах книги к специфическим условиям постсоветской России.

Это позволяет нам раскрыть, во-первых, специфику противоречий российских отношений координации, выделив наряду с типичными для позднего капитализма отношениями тотального рынка и локального корпоративного, а также государственного регулирования широкое распространение в отечественной экономике пережитков *натурально-хозяйственной замкнутости, использования в системе отношений корпоративного манипулирования методов внеэкономического принуждения, теневого государственного регулирования, «ручного управления»*.

⁴² Подчеркнём: трансакции между различными институтами (например, между фирмами, правовыми структурами, государством и корпорациями и т. д.), и соответственно, деятельность по обслуживанию и опосредованию этих трансакций финансовым капиталом, содержат и производительный компонент. Последний, однако, чем далее, тем более сокращается, тогда как паразитический, симулятивный растет (одно из доказательств этого – процесс финансализации).

В работе раскрывается политico-экономическое содержание этих специфических феноменов.

Во-вторых, нами раскрываются особенности отношений присвоения и отчуждения. Здесь также наряду с типичными для полупериферийных экономик позднего капитализма феноменами (высокий уровень социальной дифференциации, незащищенность работника, нацеленность капитала на престижное потребление, а не накопление) присутствуют *рудименты отношений «реального социализма»* (патерналистски-ориентированное поведение ряда представителей государственной бюрократии, наемных работников и др.) и *доброжуазных способов производства* (широкое использование методов внеэкономического принуждения, своего рода «вассалитет» в отношениях государства и капитала).

В-третьих, в этом разделе показана характерная для отношений накопления капитала в российской экономике *воспроизводственную ловушку*, где специфика сложившейся в результате разрушения экономики советского типа структуры производительных сил (абсолютное доминирование сырьевых и обслуживающих секторов) при господстве описанных выше отношений координации и присвоения/отчуждения может порождать и порождает экстенсивный тип воспроизводства, мультилирующий сырьевую зависимость. Существенно, что известный механизм «голландской болезни» в данном случае выведен из специфики производственных отношений, сложившихся в России.

Завершает исследование в этой части презентация того, что мы называем *«стратегией опережающего развития»*. В её основе – предложенные выше тезисы о современной эпохе как периоде нелинейной трансформации «царства необходимости» в «царство свободы» и новой структуре общественного воспроизводства в этих условиях, в частности, необходимости приоритетного развития I подразделения новой экономики – образования – как сферы «производства» творческого потенциала человека, являющегося главным источником прогресса в XXI веке. На этой основе нами показаны параметры *стратегии, обеспечивающей приоритетное развитие креатосферы и составляющих её базу отраслей материального производства, обеспечивая социально-ориентированное развитие*, способное подвести страну к уровню

социал-реформистских экономических систем («скандинавской» модели стран «Центра»). Реализация этой стратегии потенциально возможна даже в условиях коренного реформирования (но ещё не революционного снятия).

Вторая ремарка.

В предложенном выше тексте был дан только тезисный набросок прохождения по цепочке восхождения от абстрактного к конкретному с акцентами на некоторых наиболее важных положениях, которые мы постарались показать в своем «Глобальном капитале». Безусловно, выше были прослежены далеко не все взаимосвязи в развитии производственных отношений позднего капитализма, далеко не все движение противоречий этих отношений и, соответственно, категорий в их развертывании от более абстрактных к более конкретным.

Третья ремарка. Нам хотелось бы обратить внимание читателя на научный аппарат книги. В ней критически использованы более тысячи источников из самых разных сфер общественных наук. Многие из этих работ написаны малоизвестными или вообще неизвестными в России англоязычными учеными. Работа снабжена подробным справочным аппаратом. Именной указатель включает сотни авторов, принадлежащих к разным течениям общественной мысли и разным эпохам – от античности до работ последних лет. Предметный указатель, занимающий более 60 страниц убористого текста, не только позволяет хорошо ориентироваться в книге, но и системно, структурированно представляет все основные разработки, приведенные в данном издании.

В.Т. Рязанов,
д.э.н., профессор,
заведующий кафедрой экономической теории СПбГУ

**Геополитэкономия реиндустриализации:
пример России**

«Сервисная революция» и деиндустриализация

С последней трети XX века в мире наблюдается повсеместное наращивание масштабов сферы услуг, которое проявляется в резком увеличении ее доли в производстве ВВП и в структуре занятости. Хотя по разным странам степень развертывания данной тенденции неодинакова. В качестве примера приведены соответствующие данные по изменению структуры занятости в двух группах стран – «семерке» и БРИКС. Даже между двумя этими не столь разнополярными группами стран различия достаточно заметные.

Как видно по приведенным данным в таблице 1, ситуация со структурой занятости существенно разнится, особенно если сравнить ведущие капиталистические страны, например, с Индией, которая по структуре своей экономики наиболее близка из стран БРИКС к стандартам развивающегося мира. По-прежнему для нее характерно сохранение преобладания аграрно-сырьевого сектора (51,2% в сравнении с 26,4% в сфере услуг). Хотя и у нее также происходят сдвиги в занятости, соответствующие современным экономическим тенденциям.

То, что в современном мире наблюдаются сдвиги в занятости по направлению к сфере услуг – это закономерный процесс, Он является следствием НТП с ее направленностью на сокращение доли живого труда в сферах хозяйственной деятельности, где он активно задействован. На современном этапе его главное проявление связано с произошедшей информационно-компьютерной революцией. Именно данное обстоятельство послужило основанием для вывода, которые делают многие экономисты и политологи, о переходе экономики от индустриальной к постиндустриальной (или информационной) модели экономики. Однако с таким выводом не все однозначно.

Таблица 1.

Структура занятости в трех секторах экономики развитых стран и БРИКС (1995-2010).

	1995			2005			2010		
	I	II	III	I	II	III	I	II	III
США	2,9	24,3	72,9	1,6	20,6	77,8	1,6	16,7	81,2
Великобритания	2,0	27,3	70,2	1,3	22,2	76,3	1,2	19,1	78,9
Франция	4,9	26,9	68,1	3,6	23,7	72,4	2,9	22,2	74,9
Канада	4,1	22,0	74,0	2,7	22,0	75,3	2,4	21,5	76,5
Германия	3,2	36,0	60,8	2,3	29,7	67,9	1,6	28,4	70,0
Япония	5,7	33,6	60,4	4,4	27,9	66,4	3,7	25,3	69,7
Италия	6,6	33,7	59,8	4,2	30,8	65,0	3,8	28,8	67,5
Россия	17,3	33,1	49,6	10,1	28,0	61,9	8,8	25,5	65,7
Бразилия	26,3	19,8	53,9	20,5	21,4	58,1	17,0	22,2	60,9
Китай	52,2	23,0	24,8	44,8	23,8	31,4	36,7	28,7	34,6
ЮАР	14,3	27,9	57,9	7,8	25,5	66,6			
Индия	61,9	15,8	22,3	56,1	19,0	24,9	51,2	22,3	26,4

Обозначения:

- I – первичный сектор (аграрно-сырьевая сектор: сельское хозяйство + добыча полезных ископаемых);
- II – вторичный сектор (обрабатывающая промышленность);
- III – третичный сектор (сфера услуг).

Ведь само по себе возвышение информационного сектора не требует обязательного сворачивания реальной производства и в первую очередь обрабатывающей индустрии. Напомним: первая промышленная революция не привела ни к «закрытию» аграрного сектора, ни к его перемещению в другие зоны мирового хозяйства, а напротив, способствовала «агропромышленной революции», которая обеспечила масштабную механизацию аграрного труда. Поэтому нигилизм «постиндустриального» отношения к современному индустриальному производству нельзя напрямую рассматривать в контексте разворачивания информационной революции: подобная «привязка» заведомо искусственна и надуманна. Следует иметь в виду, что само представление о замещении индустрии сервисным производством оказалось ошибочным. С развитием экономики ее структура не упрощается, а усложняется за счет достраивания новыми звенями.

Следует иметь в виду, что масштабы и скорость перемен в структуре современной экономики определялись в не меньшей степени действием других факторов. В этой связи достаточно указать на два таких фактора.

Во-первых, речь идет о том, что на современном этапе в сервисной экономике обеспечивалась значительно более высокая прибыльность, особенно в ее финансовом блоке, в сравнении с промышленным производством (см. Рис. 1). Это объясняет произошедшее смещение экономического интереса не только правящей финансовой элиты, но и наемного персонала со сферы реальной экономики на сферу услуг. Как пример: на банковскую, брокерскую и страховую деятельность в настоящее время приходится в США и Великобритании свыше 35% от общей прибыли корпораций (для сравнения, в 1960 г. – около 10%).

В рассматриваемом периоде (1980-2000 гг.) номинальное значение прибыли финансового сектора США возросло более чем в 5 раз, приблизившись к 250 млрд долл. в год, а ее доля в общей прибыли корпораций увеличилась более чем в 2 раза, достигнув почти 40%.

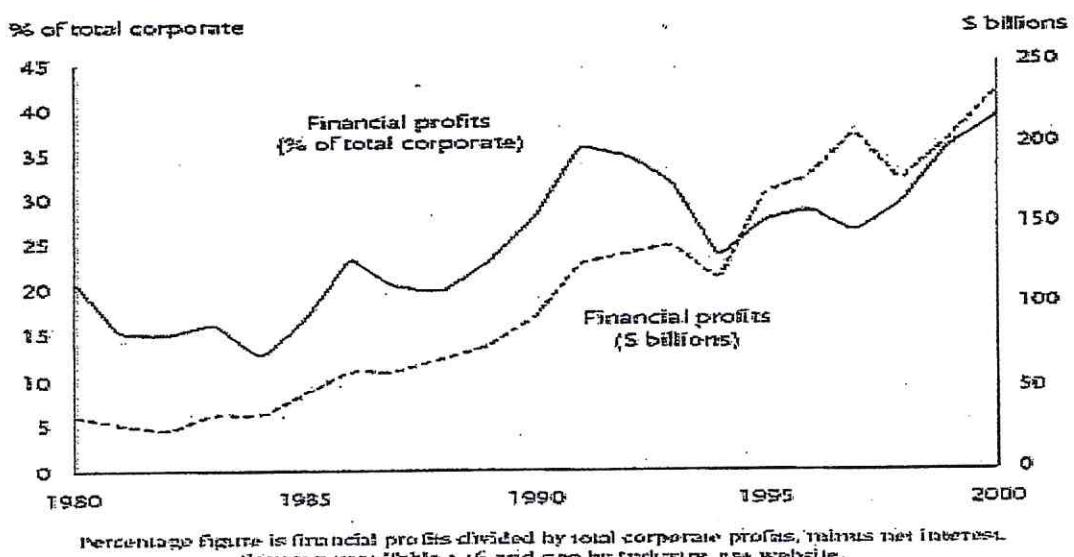

Рис. 1. Прибыль финансового сектора США (в млрд. долл., правая шкала) и ее доля в общей прибыли корпораций (левая шкала).

В финансовом сегменте экономики не только росли прибыли, но и наблюдался опережающий рост зарплаты финансовых служащих. Если еще в 1980-м году она в финансовом секторе была сравнима с оплатой труда работников других отраслей с той же квалификацией, то сегодня финансовый работник получает в среднем на 70% больше. Поэтому высокая прибыльность и бум зарплат в финансовой сфере стал центром притяжения капитала и привлек в нее наиболее активную часть рабочей силы.

Во-вторых, перенос промышленного производства в развивающиеся страны диктовался несопоставимо более низкими издержками в этих странах, прежде всего связанных с мизерным уровнем затрат на оплату труда и на социальную защиту населения, а также с более низкими налогами и меньшими экологическими ограничениями. Следует учитывать, что «затраты на персонал» в себестоимости любого товара, произведенного в США, является главной статьей расходов, превышая 50%, а иногда и 60% в ее общей величине. Для сравнения приведем данные на начало XXI века по среднечасовой ставке оплаты труда в сфере производства. Если в Германии она составляла около 32 долл., в США – 17, в Японии – 24, во Франции – 19, то в Китае – 0,57 долл., а в Индии, Индонезии она не достигала 30 центов.

В результате развитые капиталистические страны фактически лишились многих традиционных отраслей промышленности на своей территории, переведя производство в развивающиеся страны. Можно утверждать об определенном сворачивании массового производства товаров повседневного спроса, которые как раз являются наиболее насущными для потребления большинства населения. Следствием деиндустриализации стало резкое сокращение занятости в отраслях реального производства. В США в конце 1970-х годов численность работников в промышленности достигала около 20 млн человек, а к весне 2010 г. сократилась до 11,5 млн человек. Для сравнения: занятость в промышленности КНР за период с 1990 по 2006 г. выросла со 110 до 130 млн человек.

В качестве характерного примера деиндустриализации выступает судьба текстильной и швейной промышленности. Если в США в 1995 году в ней было занято 1,56 млн работников, то в 2009 их осталось всего 414 тысяч. После отмены в 2005 году международной системы квот на текстиль Китай и другие страны с развивающимися рынками еще более укрепили свои лидирующего позиции на этом рынке. Сегодня КНР занимает первое место в мире по объему экспортруемой готовой продукции и текстиля, располагая долей в 40%. Еще не менее 50-55% этого рынка приходится на другие страны, одевающие США и Европу, а это Вьетнам (второй по объемам после КНР), Индонезия, Камбоджа, Индия и Пакистан.

Текстильная отрасль – это только один из примеров, иллюстрирующий общую тенденцию. И в других отраслях, включая достаточно высокотехнологичные, наблюдались схожие процессы переноса массового производства, особенно комплектующих изделий, в новые индустриальные центры.

Например: в США резко сократилось производство персональных компьютеров. Их производством занято всего чуть более 160 тыс. человек, в то время как в странах Восточной Азии в компьютерной отрасли задействовано 1,5 млн человек. Только на предприятиях самой крупной китайской компании Foxconn с оборотом в 79 млрд долл. и чистой прибылью в 2,4 млрд долл. работает более 550 тыс. сотрудников, что превышает численность работников всех самых известных компьютерных компаний стран Запада.

Приведенные примеры, раскрывающие неоднозначные последствия развертывания «сервисной революции», позволяют сделать вывод о том, что более точно произошедшие изменения в структуре экономики развитых капиталистических стран обозначить как действие тенденций *деиндустриализации экономики*, имеющие весьма серьезные негативные последствия. Что же собой они представляют?

Деиндустриализация экономики и ее последствия

Первое и самое очевидное следствие деиндустриализации в развитых капиталистических странах стало то, что они постепенно утрачивают ведущую роль в производстве промышленной продукции. Все в большей степени центр индустриального развития перемещается в «третий мир» (Табл. 2).

Если в период 1993-2011 гг. мировое промышленное производство увеличилось более чем в 1,5 раза, то в развитых странах это увеличение составило всего 5%, в то время как новые рыночные страны увеличили более чем в 3 раза, а Китай – более чем в 7 раз. Процесс ослабления индустриальной мощи ведущих капиталистических стран усилился после 2000 г., когда в большинстве развитых экономик наблюдалась стагнация промышленного производства, что контрастировало с его бурным ростом в развивающихся странах. В результате удельный вес в мировом промышленном производстве семи индустриально развитых стран уменьшился с 62,2% в 1993 г. до 40% в 2011 г. Соответственно роль группы наиболее динамично развивающихся новых рыночных экономик за этот период возросла с 14,7% до 28,6%.

Об обострении борьбы за экономическое лидерство свидетельствует существенное сокращение удельного веса американской промышленности в мировом производстве с 50% на начало 1950-х годов до 20,7% в 1993 г. и 17,7% в 2011 г. На таком экономическом фоне особенно впечатляет стремительный взлет китайской промышленности. Если еще в 1993 г. она производила 3,4% мировой промышленной продукции, то к 2000 г. этот показатель составил 5,9%, а в 2011 г. он достиг 14,8%.

Таблица 2.

Промышленное производство (добавленная стоимость в млрд. долларов и постоянных ценах 2000 г.), 1993-2011 гг.

	1993	2000	2007	2011	2011 к 1993 в %	2011 к 2000 в %
Мировое производство	8.722	10.851	13.39	14.144	162,2	130,3
Развитые экономики	5.423	5.745	16.194	5.693	105,0	99,1
США	1.811	2.474	2.686	2.498	137,9	101,0
Япония	1.282	1.278	1.372	1.289	100,5	100,9
Германия	669	722	795	715	106,9	99,0
Великобритания	411	473	482	437	106,3	92,4
Италия	374	425	448	384	102,7	90,3
Франция	321	373	411	370	115,3	99,2
Новые рыночн. экон-ки	1.279	1.901	3.142	4.047	316,4	212,9
КНР	297	640	1.395	2.087	702,7	326,1
Индия	96	152	265	342	356,2	225,0
Южная Корея	138	214	323	380	275,4	177,6
Мексика	196	269	298	304	155,1	113,0
Бразилия	164	198	238	262	220,7	132,3
Страны Индокит. рег.	173	246	350	398	230,1	161,8
РФ	215	182	273	274	127,4	150,5

Страны Индокитайского региона: Индонезия, Бангладеш, Малайзия, Таиланд, Вьетнам.

Если обобщить нежелательные последствия deinдустириализации для ведущих стран мира, то можно выделить следующие их проявления:

1) Смещение роли локомотива в мировом хозяйстве в группу динамично развивающихся стран. Во всяком случае, с середины 1990-х годов и до 2012 г. более половины прироста мирового ВВП обеспечивал Китай и другие развивающиеся страны, а доля США и ЕС сократилась примерно до 1/3. Наблюдаемое в настоящее время замедление экономического роста в группе развивающихся стран, возможно, приведет к очередным изменениям на мировых рынках. Но они, скорее всего, свидетельствуют о новом этапе обострения конъюнктурной борьбы в мировом хозяйстве.

2) Усиление рисков для экономики как следствие чрезмерно завышенных оценок экспортно-ориентированной модели экономического роста с опорой на узкую специализацию в рамках международного разделения труда и формирования так называемых глобальных цепочек добавленной стоимости.

3) Обособление финансового сектора, которое ведет к наращиванию спекулятивной составляющей в хозяйственной деятельности, что оборачивается ростом непредсказуемости и неопределенности и ведет к неизбежным финансовым потрясениям в экономике (см. Рис. 2).

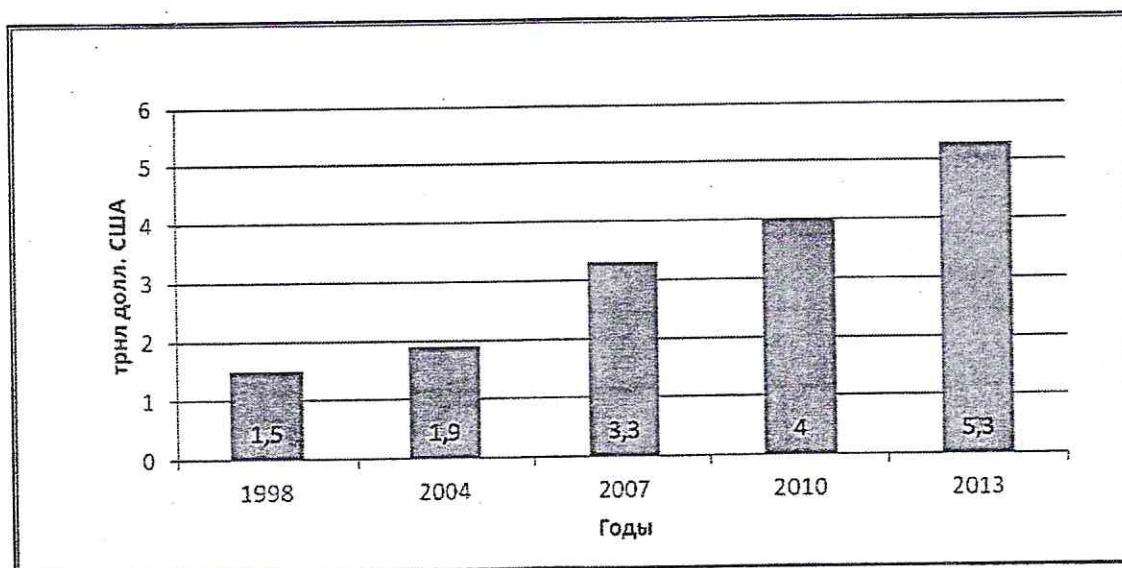

Рис. 2. Среднедневной объем торгов валютой в мире
(трлн долл. США).

4) Рост безработицы, поскольку сокращение занятости в традиционных отраслях не компенсировалось ростом занятости в «новой экономике». Если в период 1950-1970 гг. безработицу в развитых капиталистических странах удалось сократить до 2,5-4%, то в настоящее время во многих развитых странах она подскочила до 8-10% (не говоря уже о рекордах Греции, Испании, Португалии – 25% и выше).

5) Ослабление экономической безопасности и угроза утраты суверенных рычагов воздействия на хозяйственные процессы в стране. Такая страна потенциально может стать экономически преуспевающей, но и одновременно приобретает дополнительные зоны уязвимости, лишая себя все большей части самостоятельности в социально-экономическом развитии. Иначе говоря, можно быть богаче, но при этом становиться более зависимым и уязвимым. Причем при выходе мировой экономики из кризиса сама возможность процветать в долг и за счет выноса производства в развивающиеся страны становится проблематичной.

Вывод можно сделать такой: произошедшая деиндустриализация есть следствие развертывания спекулятивно-финансовой революции в рамках неолиберальной глобализации, что привело к финансализации экономики как специфической формы реализации курса на наращивание прибыльности современного предпринимательства. Так ТНК решают проблему с государством как институтом, мешающим их господству. Поэтому указанные процессы неразрывно взаимосвязаны.

Реиндустриализация, ее необходимость и особенности в России

Начало тенденции деиндустриализации российской экономики было положено проведением «неолиберальной» политики рыночных реформ 1990-х гг. Их нацеленность на демонтаж советской плановой системы хозяйства привела не столько к созданию эффективно работающего рыночного механизма, сколько к повсеместному развалу научно-производственной сферы, особенно в обрабатывающих отраслях, с одновременным усилением сырьевой специализации экономики. Проводимая трансформация обернулась продолжительным социально-экономическим кризисом.

Будучи системным по своей природе, он протекал с колоссальными народнохозяйственными потерями, сопоставимыми по размеру и тяжести с природными катастрофами или военной разрухой. Итогом стал открытый дефолт этой политики в августе 1998 г.

Проведенная после августовского дефолта 1998 г. коррекция экономического курса совпала с началом нового цикла повышения цен на энергоносители и сырье на мировых рынках. Бюджетная национализация части экспортно-сырьевой ренты, используемая для поддержки внутреннего совокупного спроса за счет государственных расходов, позволила инициировать восстановительный рост. Однако остановить разрушительную тенденцию деиндустриализации не удалось. При этом следует отметить, что еще в начале 2000 гг. учеными и властными структурами была сформулирована задача перехода от доминирования рентно-сырьевой модели к высокотехнологичной и инновационной экономике.

Итоги успешного на первый взгляд предкризисного десятилетия оказываются в результате малоутешительными – в первую очередь из-за того, что в фазе восстановительного экономического оживления страны (1999-2007 гг.) решить задачу структурного разворота экономики не удалось. Более того, российская экономика еще глубже и прочнее погрузилась в экспортно-сырьевой сегмент международного разделения труда. Внешняя зависимость экономики страны от конъюнктуры на мировых сырьевых рынках не ослабла, а усилилась. Об этом со всей очевидностью свидетельствуют изменения в структуре российского экспорта. В этот период доля энергоресурсов в экспорте увеличилась с 51 до 61,5%, а вместе с другими видами сырья (металлы, лес и лесоматериалы) составила 70,4% (2008 г.). Что же касается инновационной активности компаний, то она, достигнув максимума в 2004 г., когда 10,5% компаний занимались внедрением инноваций, в 2008 г. упала до 9,6% в среднем по стране. Не случайно в президентском послании 2009 г. модернизация российской экономики уже была определена как способ «выживания нашей страны в современном мире».

Все это определяет необходимость выработки курса на реиндустриализацию российской экономики. Она не случайно совпала с обоснованием важности преодоления глобальной неустойчивости экономики и возвращения ей динамического

потенциала. Помимо того, что такой подход отражает традиционные представления о существующей норме в экономическом развитии, следует учитывать, что сама его постановка и реализация обусловлены стремлением ведущих экономических держав сохранить за собой авангардные позиции в мировом хозяйстве. Как одно, так и другое обстоятельство предопределили соответствующие оценки и цели в аналитических и программных документах, подготовленных международными экономическими институтами и экспертным сообществом разных стран.

Для России усилиению потребности в неоиндустриальном развороте экономики в еще большей степени способствовало введение санкций к нашей стране ведущими странами Запада из-за событий на Украине, которое неслучайно совпало с резким падением цен на углеводородное сырье на мировых рынках.

Отмеченные обстоятельства предопределили формирование консенсуса в обществе о необходимости ухода от рентно-сырьевой экономики и проведения активной политики диверсификации. Сегодня острые дискуссии и альтернативные подходы связаны уже не столько с идеей «энергосверхдержавы», а с выбором наиболее результативного варианта достижения стратегической цели диверсификации экономики. Но именно здесь существуют серьезные разногласия¹.

Что касается самой программы новой индустриализации России, то в ней следует отказаться от самого противопоставления «старых» (традиционных отраслей), исчезающих в ходе преобразовательной деятельности, и «новых» (высокотехнологических производств), идущих им на смену. Инновационный сектор должен развиваться не путем вытеснения традиционных отраслей и производств агро-индустриальной экономики, а уже с самого начала быть ориентированным на их технико-технологическое обновление,

---

¹ В этой связи отметим ряд вышедших в последние годы монографий, посвященных данной теме. См.: Губанов С.С. Державный прорыв. Неоиндустриализация России и вертикальная интеграция. М., 2012.; Бодрунов С.Д. Формирование стратегии реиндустириализации России. М., 2013; Бодрунов С.Д. Грядущее Новое индустриальное общество: перезагрузка. М., 2016; Рязанов В.Т. (Не)Реальный капитализм. Политэкономия кризиса и его последствий для мирового хозяйства и России. М., 2016.

которое должно придать исторически профильным отраслям страны высокотехнологичный и наукоемкий облик, обращая первоочередное внимание на сырьевой комплекс как источник нынешнего благополучия и финансового обеспечения будущей неоиндустриализации, а потому усиливая в нем перерабатывающий сегмент.

Такой подход к диверсификации необходим для восстановления сбалансированной экономики, грамотно сочетающей ориентацию на внутренний и внешний спрос, что является необходимым условием устойчивости экономического развития. Если еще принимать во внимание неизбежную поэтапность и длительность реализации программы неоиндустриализации, то в качестве ее конечной цели, безусловно, выступает осуществление технико-технологического прорыва, которое раскрывает стратегический приоритет в экономическом развитии страны. Поэтому новая индустриализация должна в итоге трансформироваться в программу реализации основных направлений разворачивающейся в мире технотронной революции. Проблема заключается в том, насколько эту стратегическую цель можно решать сходу как главное звено текущей политики, не восстановив предварительно разрушенный контур индустриальной экономики. Попытаться совершить очередной прыжок, на данном этапе в шестой технологический уклад, минуя не развившийся у нас пятый уклад и забывая о произошедшей деградации сферы производства, это значит выстраивать политику на основе иллюзий и утопических проектов.

Еще более важной и сложной задачей в процессе реализации курса на реиндустириализацию становится преодоление сохраняющегося доминирования спекулятивно-финансового капитала. Ситуация с экспансией спекулятивно-финансового капитала также захватила и Россию. Так, среднедневной объем капитала только валютных сделок на Московской бирже (ММВБ+РТС) в первой половине 2016 г. составил около 1,45 трлн руб., увеличившись по отношению к 2005 г. почти в 22 раза. Для сравнения: объем кредита коммерческих банков РФ нефинансовым организациям за указанный период возрос примерно в 6 раз, достигнув величины примерно в 30 трлн руб., но в годовом измерении. Такая сверхвысокая активность на валютном рынке

неудивительна, поскольку прибыльность на нем в 2015 г. достигала 80% в годовом измерении, что несопоставимо с нормой прибыли в обрабатывающем секторе народного хозяйства с ее уровнем 5-7%.

Это означает, что для осуществления курса на неоиндустриальный разворот экономики России с последующим развертыванием новой промышленной революции должны быть предприняты радикальные меры по переустройству и оздоровлению финансового сектора страны. Такого рода переналадку финансовой сферы можно обозначить в рамках проведения программы социализации финансов².

Каковы ее цели и достоинства как проектного ресурса?

Сама конструкция социализированной финансовой системы в обычном понимании может рассматриваться в качестве установления надежного контроля и регулирования государством финансового посредничества. Не случайно, что первоначально она была увязана с возникшей потребностью в оперативном антикризисном вмешательстве, учитывая роль либерализации финансовых рынков в возникновении мирового кризиса. Примечательно, что такая идея высказывалась тогдашними западными лидерами в разгар кризиса, но по мере снятия его остроты она стала забываться.

Особенность и достоинство этого проекта в том, что он предполагает формирование государственно-общественной финансовой системы, но вмонтированной в рыночное хозяйство и предоставляющей финансовые ресурсы и услуги частнопредпринимательскому сектору экономики на рыночной основе с использованием хорошо известных инструментов и с учетом условий хозяйственной деятельности и поставленных целей.

Этим расчищаются спекулятивные завалы и обеспечивается общее оздоровление хозяйственной деятельности, а реализация данного проекта становится необходимым условием для полномасштабного осуществления программы новой индустриализации страны с последующим развертыванием новой

---

² Подробнее о программе социализации финансов см.: Рязанов В.Т. Социализация финансов и ее роль в неоиндустриальном развороте России // Экономическое возрождение России. 2016. № 2. С. 45-50; Рязанов В.Т. Социализации финансов и беспроцентная экономика: варианты и альтернативы нового финансового порядка // Экономист. 2016. № 8. С. 3-23.

промышленной революции. На основе социализации финансов государство получает дополнительный ресурс для активизации в инвестиционной и инновационной сферах, что имеет чрезвычайно важное значение при переходе от экспортно-сырьевой к высокотехнологичной экономике. Наконец, реализация проекта «социализации финансов» содержит в себе более глубокий и содержательный смысл. По существу речь идет о создании новой модели смешанной экономики как реальной альтернативы господству неолиберальной модели финансового капитализма.

Дело в том, что формирование социализированного (общественно-государственного) финансового сектора, взаимодействующего с частным сектором в остальных отраслях народного хозяйства, это и есть расширенная версия смешения разнокачественных хозяйственных укладов, которая имеет разнообразные исторические образцы в прошлом и ныне существующие, но в заведомо свернутом виде вследствие господства неолиберальной идеологии и хозяйственной практики. Его цель – создание двухканальной системы перевода сбережений в инвестиции, один из которых функционирует в обычном рыночном режиме, реализуя кредитный потенциал коммерческих банков и других финансовых институтов, другой – действует в ограниченном рыночном режиме, обеспечивая льготное финансирование приоритетных народнохозяйственных проектов, а в нашем случае с ориентацией на импортозамещение и диверсификацию народного хозяйства.

Для современной России выдвижение и реализация программы социализации финансов становится важной предпосылкой неоиндустриального разворота России на новой научноемкой основе. Этим будет обеспечена выработка стратегии развития на собственной основе, которая на данном этапе приобретает свои конкретные очертания в виде курса на *опережающие реформы*, меняющие сложившуюся хозяйственную систему России. Отражая объективно созревшую потребность в глубоком экономическом реформировании хозяйственной системы России, данная программа способна эффективно реагировать на внутренние и внешние ограничения, преодолевая возникшую экономическую стагнацию и обеспечивая устойчивый и сбалансированный рост с достижением социальных приоритетов.

Г.Н. Цаголов,
д.э.н., профессор, Международный университет в Москве

Политэкономия российского капитализма: уроки Китая и Вьетнама

Последнее время в российских СМИ уделяется немало внимания периоду нашей истории 25-летней давности. Радиостанция «Деловое радио», например, регулярно ведет передачи под рубрикой «Последняя осень». Имеется в виду осень 1991 года, завершившая существование СССР.

После распада Советского Союза на его месте возникли самостоятельные государства. Крупнейшее из них Россия. Каждое из них пошло своим путем. Сегодня их политэкономическая мозаика неоднородна.

Что представляет собой Новая Россия? В каком обществе мы живем? В какой экономической системе?

Наши власти избегают давать теоретические оценки. Представители праволиберальной мысли долгое время муссировали тезис о «переходном периоде» к рыночной экономике. Правящей элите такая формула была удобна, так как экономические неурядицы списывались на «переходное» состояние. На деле же капитализм в нашей стране давно завершился и прошел уже ряд этапов. В середине 1990-х годов он уже находился на монополистической, или олигархической стадии своего развития.

В дальнейшее сформировался бюрократико-олигархический капитализм. Это не бранный набор слов, а лишь констатация реального статус-кво. Из бюрократического социализма мы «перестроившись» оказались не в демократическом социализме (что обещал Горбачёв), а в системе координат самого низкосортного капитализма. В нем нет свободной конкуренции и он не созидательный. Он монополистический, спекулятивный, зависимый от Запада, сырьевой и периферийный.

Появившиеся миллиардеры срослись с высшими государственными чинами и вместе теперь составляют властующую элиту страны. Ленинская формула – «сегодня министр – завтра банкир, сегодня банкир – завтра министр» – справедлива

для наших дней как никогда прежде. Государственные корпорации, призванные по идеи служить созидательным противовесом спекулятивно-компрадорской олигархии, отчасти уподобились тем, кому надлежало давать положительный пример.

В России сейчас официально насчитывается около 80 долларовых миллиардеров. Если отнести их совокупные состояния к ВВП страны, получим 18% – один из самых высоких показателей в мире¹. Децильный коэффициент (показатель дифференциации доходов, который выражает соотношение между средними доходами 10% населения с наиболее высокими доходами и средними доходами 10% наименее обеспеченных граждан), если брать официальную цифру, составляет 16. Это само по себе впечатляет. В развитых странах он много ниже. Но целый ряд исследователей считает, что он значительно выше, а в Москве приближается к 100.

Если во многих других странах богатства крупнейших собственников, как правило, связаны с созданием того или иного нового товара или услуги, у нас это обычно результат отъема прежнего общеноародного имущества с помощью пресловутых залоговых аукционов и чисто спекулятивных операций, замешанных на коррупции чиновников.

Подобный характер российского капитализма приводил и приводит к сменяющим один другой кризисам. И они у нас, увы, не цикличны, а системны. Экономический блок правительства России пытается списать наши невзгоды на внешние обстоятельства: санкции и упавшие мировые цены на нефть. Это не так. Понижательная тенденция ощущима давно.

Пример России – хрестоматиен в том смысле, как не надо было совершать реформы. Были ли они необходимы? Да, но не такие. О том, как можно и нужно было совершать реформы, говорит опыт ряда стран, Китая и Вьетнама в первую очередь.

В этих государствах реформы бюрократического социализма привели к положительным результатам. Там начинали не с раскачки политической сферы, а с экономики, действовали постепенно и не отказывались от преимуществ социализма, в частности, от плановой системы, постепенно добавляли к ней рыночные механизмы. В итоге в них сформировался эффективный симбиоз социализма и

---

¹ «Форбс», № 5, 2015, с. 67.

капитализма, выведший их на траекторию рекордных темпов роста и устойчивого социального прогресса.

Встает вопрос – совместим ли такой противоречивый симбиоз, соединим ли социализм с капитализмом? Мировая практика говорит в пользу этого.

Первый такой опыт знаком со временем ленинского НЭПа в 20-х гг. прошлого века. «Мы, – писал Ленин, – вынуждены признать коренную перемену всей точки зрения на социализм»². Эта «перемена» состояла в допущении разных укладов, в соединении плана и рынка.

Позже великий английский экономист Дж.М. Кейнс, находясь на другом социальном полюсе, заявил, что без государственного вмешательства капитализм потерпит крах. Один из его наиболее талантливых учеников и последователей – Дж. К. Гэлбрейт – пошел еще дальше и рассматривал планирование как главный тренд, и видел в нем путевку в будущее для капитализма. В 1960-х годах им и рядом других идеологов Запада была обоснована теория конвергенции.

Сегодня обновленная и подкрепленная мировой практикой теория конвергентного, или интегрального общества служит ориентиром в поиске оптимальной модели жизнеустройства. Опыт канувшего в Лету социализма в нашей стране не прошел даром. Запад впитал в себя ценные социалистические идеи и черты, перенял у него, в частности, централизованное планирование, тем самым заметно укрепив свои позиции в мире. У нас же за распадом СССР плановое хозяйство было предано анафеме, а государство изгнано из экономики. Требовалась же интеграция преимуществ социализма и капитализма.

Именно это произошло в Китае и во Вьетнаме, что придает им синергетики.

Дэн Сяопин и его последователи не разрушали плановое хозяйство, а проводили в нем демократические преобразования и добавляли к нему рыночные регуляторы. Результат: страна развивается без кризисов, темпы роста самые высокие. По ВВП, рассчитанному по паритету покупательной способности, Поднебесная, обойдя США, вышла уже в 2014 году на первое место в мире. Продолжительность жизни превышает 75 лет.

---

² Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 376.

Глава КНР Си Цзиньпин, выступая на Генеральной Ассамблее ООН осенью 2015 года, заявил, что всякая процветающая экономика помимо «невидимой руки» рынка должна использовать «видимую руку» государственного управления. В докладе секретаря ЦК КПК профессора Янг Джинхая на первом мировом марксистском конгрессе в Пекине в октябре 2015 года, где довелось быть, говорилось: «Суть китайского пути состоит в нахождении правильного баланса между социализмом и капитализмом. В экономике это означает установление разумных пропорций между административными и рыночными отношениями...»³.

Китай представляет альтернативный Западу тип развития, иную противостоящую рыночному фундаментализму экономическую модель и систему жизнеустройства. Политическая власть в стране принадлежит коммунистической партии, а социалистическая идеология превалирует. Страна гармонично развивается по наметкам 13-го пятилетнего плана развития народного хозяйства. «Китайская мечта» обретает конкретные очертания. Китай имеет ясную стратегию на десятилетия вперед.

Вьетнам последовал китайскому примеру. Централизованное планирование не ликвидировали, а сделали более гибким. План и рынок совмещали друг с другом, а оптимальный баланс между ними поддерживался руководством страны. Сохранялось планирование важнейших видов продукции, хотя сужался круг устанавливаемых показателей и уменьшался контроль над ценами на базовые виды товаров и услуг. Страна развивается чрезвычайно быстро и также бескризисно.

Такая конвергенция, или интеграция преимуществ социализма и капитализма наталкивает на мысль о возможно свершающемся переходе человечества к новому интегральному обществу. Оно оптимально с точки зрения комплексного решения важнейших и прочно взаимосвязанных проблем: экономического роста, социальной справедливости, развития личности и свобод человека.

---

³ World Congress on Marxism 2015. Marxism and the Development of the Human Race. October 10 - 11, 2015 Beijing, p. 39.

В ряде инициатив, выступлений, да и «ручном управлении» президента РФ В.В. Путина просматривается признание необходимости избрания нашим обществом этого срединного пути. Ведь «ручное управление» означает не что иное, как необходимость дополнения «невидимой руки» централизованными административными методами хозяйствования. В развитом виде это и есть не что иное, как плановая система.

**Н.Г. Яковлева,
к.э.н., доцент, Институт экономики РАН**

Политэкономия образования: к постановке проблемы

В статье дана характеристика сложившихся взглядов на сферу образования. Для всестороннего изучения роли образования в современном обществе, в том числе в экономике страны, предлагается использовать методологию политэкономии и ее инструментарий, позволяющий изучить социально-экономические отношения, которые складываются в сфере образования. Исходным пунктом использования предлагаемой методологии является определение сферы образования как сферы производства (и в прямом, и в переносном смысле) главного ресурса развития экономики в целом и материального производства в частности – трудовых способностей и инновационного (даже шире – креативного) потенциала работника.

Ключевые слова: образование, человеческие качества, социально-экономические отношения, политэкономия.

Как должна быть устроена система образования, какова ее связь с экономической системой и системой распределения в обществе? Что должно быть положено в основу устроения системы образования? Эти вопросы не случайны, так как модернизация системы образования, продолжающаяся в уже не один год, не вселяет надежду на ее светлое будущее. Между тем задачи модернизации отечественной экономики, а тем более – широкого использования современных инновационных технологий в условиях усложнения геоэкономической и геополитической ситуации, самым непосредственным образом делают крайне актуальными задачи формирования системы образования, адекватной всем этим вызовам и, более того, решающей задачи развития человеческих качеств как высшей ценности нашего общества.

Между тем происходящие в последние годы реформы образования породили немало глубоких противоречий в этой сфере, вызывающих широкие дискуссии в среде специалистов.

Ниже мы сосредоточим наше внимание на основных социально-экономических аспектах этих дискуссий.

1. Образование и экономика: к систематизации основных подходов

В переплетении теории и практики в нашей стране сложились несколько существенно различающихся взглядов на образование, его содержание и роль в обществе. Положив в основу нашей обобщенной группировки господствующих в настоящее время подходов простейший критерий – место образования в системе воспроизводства социально-экономической системы – мы можем выделить три основных взгляда.

Первый. Для его сторонников образование – это не более чем одно из средств получения дохода (прибыли) и потому само по себе оно есть лишь некий побочный продукт, который необходим в той мере, в которой он приносит коммерческий результат и поскольку для экономики нужны профессионалы и образованные люди, и рынок предъявляет на них спрос – то они и воспроизводятся на основе механизма рыночного саморегулирования, никаких специальных регулирующих воздействий общества для этого не требуется.

Очень ярко этот взгляд выразил нобелевский лауреат Г. Беккер, который рассматривал образование на микроуровне как обычное коммерческое мероприятие. Отправным пунктом при этом служило представление, согласно которому вкладывающие свои средства в подготовку и образование учащиеся и их родители ведут себя как рациональный homo economicus, взвешивая соответствующие выгоды и издержки. Подобно обычным

предпринимателям, они сопоставляют ожидаемую предельную норму отдачи от таких вложений с доходностью альтернативных инвестиций¹.

Сторонники данного взгляда, как правило, придерживаются понятия «человеческий капитал», «интеллектуальный капитал», в том числе и наши современники, экономисты - руководители российских университетов: В.А. Мая², Я.И. Кузьминов³ и др.

Второй взгляд на систему образования подчеркивает, что общество в лице государства должно играть значительную роль в регулировании экономики и обеспечивать определённые приоритеты развития, но такими приоритетами с их точки зрения должно стать создание современного и высокотехнологичного материального производства, решение задач реиндустриализации (или неоиндустриализации). **Образование** для этих авторов – это не более чем сфера, которая обеспечивает кадрами эту новую индустрию, новое материальное производство. Данный подход в нашей стране активно развивается Институтом нового индустриального развития (НИИР) им. С.Ю. Витте и его руководителем д.э.н., профессором С.Д. Бодруновым. «Суть подхода заключается в том, что парадигмой развивающейся, а не стагнирующей российской экономики должна стать ее реиндустриализация, а главной целью реиндустриализации – восстановление роли и места промышленности в экономике страны в качестве ее базовой компоненты на основе нового технологического уклада путем решения комплекса экономических, организационных и иных задач. Ориентация на приоритетное развитие науки, образования и культуры тоже несет определенный позитивный

---

¹ Капелюшников Р.И. Экономический подход Гэри Беккера к человеческому поведению // США: экономика, политика, идеология, 11 ноября 1993 г. (Режим доступа: <http://www.libertarium.ru/68397>).

² May В.А. Человеческий капитал: вызовы для России // Вопросы экономики, № 7, 2012, С. 114-132.

³ Кузьминов Я.И., Волков, А.Е., Реморенко И.М., Рудник Б.Л., Фрумин И.Д., Якобсон Л.И. Российское образование – 2020 // Вопросы образования, № 1, 2008, С. 32-64.

смысл, хотя для нашей страны она представляется несколько преждевременной»⁴. Также отмечается, что «в центре этой стратегии стоит задача реиндустириализации российской экономики, для реализации которой необходима активная промышленная политика, нацеленная на приоритетное развитие ключевых сфер высокотехнологичного материального производства и необходимого для этого научно-образовательного прогресса, с законодательным закреплением этих позиций⁵. Близкую к данной позиции занимают В.Т. Рязанов⁶ и ряд других известных ученых.

Сторонники *третьего взгляда* считают, что **основа современной экономики – это креативный потенциал человека, человеческие качества**, и, соответственно, приоритетной сферой развития в современной экономике должна быть сфера создания этих качеств, т.е. образование, а также неразрывно связанные с ней наука и культура. Материальное производство должно играть роль обеспечения тех сфер, где развиваются человеческие качества, и прогрессировать в той мере и так, чтобы обеспечивать развитие человека, а не наоборот. В этом смысле «человек образованный» есть *ценность*, цель развития, а машины и оборудование, еда, одежда, транспорт – все это средства для того, чтобы культурный и образованный, творческий человек мог развиваться в полной мере.

Данный взгляд уже не одно десятилетие отстаивают А.И. Колганов и А.В. Бузгалин, обосновывая в своих работах⁷ необходимость перехода на стратегию опережающего (лидерующего) развития, подчиненного цели приоритетного

⁴ Бодрунов С.Д. Российская экономическая система: будущее высокотехнологичного материального производства / «Экономическое возрождение России», № 2(40), 2014, с. 8-9.

⁵ Бодрунов С.Д. Интеграция производства, науки и образования: прошлое, настоящее и будущее / Сборник материалов Международного Конгресса «Возрождение производства, науки и образования в России: вызовы и решения» / Под общ. ред. С.Д. Бодрунова. М.: ЛЕНАНД, 2015, с. 18-19.

⁶ Рязанов В.Т. Новая индустриализация России: стратегические цели и текущие приоритеты / «Экономическое возрождение России», № 2(40), 2014, с. 17-18.

⁷ Бузгалин А.В., Колганов А.И. Реиндустириализация как ностальгия? Теоретический дискурс // Социс. – 2014. – № 1, с. 80-94.

Бузгалин А.В., Колганов А.И. Реиндустириализация как ностальгия? Полемические заметки о целевых акцентах альтернативной социально-экономической стратегии // Социс. – 2014. – № 3, с. 120-130.

развития человеческих качеств («экономики для человека»). Они аргументированно доказывают, что «образование – это ключ к экономике XXI века. Творческий потенциал человека – высшая ценность и главный фактор развития экономики и общества в условиях революции знаний, своеобразный аналог индустрии для прошлого века. Оно формирует творческий потенциал человека так же, как тяжелая промышленность формировала его в XIX-XX вв. Наука, здравоохранение, искусство, рекреация общества и природы, техническое и социальное творчество – таковы с их точки зрения главные сферы реализации-развития креативности».

Вышеуказанный вывод созвучен с выводами члена-корреспондента РАО, 1-го зам. председателя Комитета по образованию ГД РФ О.Н. Смолина, который подчеркивает, что «пока не будет восстановлена система образования, Россия так и будет оставаться страной третьего мира... Либо мы должны менять экономический курс, либо национальная безопасность нашей страны, ее целостность, ее будущее окажутся под угрозой»⁸, «сегодня у нашей страны должны быть в союзниках промышленность и человеческий потенциал. Тогда будут и армия, и флот, в противном случае не будет ни того, ни другого. ...высокие технологии и человеческий потенциал – это ключ к модернизации страны, а без модернизации нам своего статуса в мире не сохранить»⁹.

Автор статьи также придерживается именно данного взгляда на образование и считает, что образование является стратегическим инструментом и развития всего общества, и раскрытия потенциала каждого его члена. Качество человеческого потенциала – это ключевой аспект, определяющий стратегическое положение страны. Развитие страны невозможно без профессионального, культурного,

---

⁸ Смолин О.Н. Выступление на Московском экономическом форуме-2014 / О.Н. Смолин. Режим доступа: http://me-forum.ru/media/events/plenary_discuss_I/

⁹ Смолин О.Н. Системные проблемы образования в России и пути их преодоления / Сборник материалов Международного Конгресса «Возрождение производства, науки и образования в России: вызовы и решения» / Под общ. ред. С.Д. Бодрунова. М.: ЛЕНАНД, 2015, с. 48-49.

гражданского развития населения страны, а значит и ориентации образования в первую очередь именно на эти цели¹⁰.

Такой подход к системе образования предполагает, однако, не просто констатацию данной роли образования, но и дальнейшее развитие данного подхода, в частности, политico-экономическое исследование системы отношений, складывающихся в этой сфере.

2. Образование: важность политico-экономического исследования

Теперь к вопросу о том, зачем и как исследовать сферу образования. Предыдущие 15 лет характеризовались непрерывными попытками модернизации системы образования в нашей стране: бакалавризация, введение ЕГЭ, развитие системы государственного надзора и контроля в сфере образования, мониторинги, оптимизация сети образовательных учреждений и др.

Все это, однако, привело не к прогрессу, а к **серьезному внутрисистемному кризису в сфере образования**.

Для того, чтобы выйти из этого кризиса, необходимо глубокое и всестороннее изучение роли образования в современном обществе, в том числе в экономике страны. В решении этой задачи может помочь **методология политэкономии и ее инструментарий**, который позволит изучить непосредственно «организм» системы образования, без которого полноценно не может функционировать «тело», такую «одежку» на него не надень.

Если мы исходим из того, что образование представляет собой не просто одну из сфер максимизации дохода его участников и не только средство проведения политики реиндустриализации, но и основу новой экономики, создающую систему ценностей, обеспечивая прогресс человеческих качеств, то в этом случае

---

¹⁰ Подробнее об этом см.: Яковлева Н.Г. Современное образование: между гуманизмом и прагматизмом (системно-структурный анализ) / Материалы международной научно-практической конференции: Образование. Наука. Культура. Роль в модернизации России / Под ред. Н.Г. Яковлевой. М.: Культурная революция, 2014, с. 89-101.

требуется исследовать сферу образования не по формальным внешним факторам и критериям эффективности, а обращаясь к ее содержанию.

В свою очередь, для того, чтобы решить эту задачу, вскрыть «начинку» системы образования, мы должны будем предпринять исследование тех **социально-экономических отношений, которые складываются по поводу производства в сфере образования**, базируясь в первую очередь на утверждении, что «сфера образования является сферой производства (и в прямом, и в переносном смысле) главного ресурса развития экономики в целом и материального производства в частности – трудовых способностей и инновационного (даже шире – креативного) потенциала работника»¹¹.

Для исследования социально-экономических отношений, которые складываются по поводу производства в сфере образования, предлагается использовать разработанную А.В. Бузгалиным и А.И. Колгановым¹² методологию сравнительного исследования экономических систем. В основе данной методологии лежат социально-экономические параметры – ключевые характеристики той или иной экономической системы.

Прежде чем приступить к краткой характеристике этих отношений и предвосхищая вопрос, почему мы берем за основу именно методологию сравнительного исследования экономических систем, еще раз подчеркнем, что сфера образования представляет собой значимую часть экономической системы и основу современной экономики, а некий социальный «довесок» к собственно экономической системе.

---

¹¹ Яковлева Н.Г. Промышленная политика современной России: системная интеграция высокотехнологичного материального производства и образования // Проблемы современной экономики, 2014, №3, с. 45-49.

¹² Сравнительный анализ экономических систем: Россия, США и Финляндия в зеркале социально-экономической статистики (учебное пособие) / Под редакцией А.В. Бузгалина и А.Ю. Низовцева. – М.: Издательство «ТЕИС», 2014, с. 5-7.

3. Система социально-экономических отношений в сфере образования

Наметим основные направления исследования сферы образования, используя социально-экономические параметры названной выше методологии сравнительного анализа экономических систем. К числу таких параметров относятся: *способ координации, отношения собственности, присвоения и отчуждения, способ распределения дохода, тип воспроизводства*.

Рассмотрим лишь некоторые, наиболее значимые аспекты каждого из этих параметров, взяв в качестве базового примера систему высшего образования в постсоветской России.

Способ координации (аллокации ресурсов).

Рассматривая это параметр, мы неизбежно оказываемся вовлечены в вечный спор о соотношении рынка и государственного регулирования. Но его невозможно обойти и при исследовании сферы образования.

С одной стороны, необходимо исследовать, насколько система образования может строиться на основе *рыночной формы координации*, где каждое образовательное учреждение является обособленным агентом, который продает образовательные услуги и преследует задачу максимизации денежного дохода в сравнении с издержками. В этих условиях, соответственно, конъюнктура спроса и предложения на образовательные услуги задает основные параметры развития системы образования.

Другой способ координации – это *отношения, построенные на системе общественного заказа и тех или иных форм планирования и государственного регулирования* этой сферы. В этом случае предполагается, что общество задает некоторые параметры образования, а каждый гражданин свободно выбирает для себя, какой из этих параметров для него наиболее интересен и адекватен.

На наш взгляд, для современной экономики вообще и российской в частности, оптимальными являются *переходные формы*, которые сочетают и оба этих механизма, сохраняя в качестве базового рыночный механизм и дополняя его системой государственного планирования и регулирования ряда образовательных процессов.

Рассматривая, как и везде далее, в качестве примера сферу высшего образования, мы можем предложить модель, где государство берет на себя не только бюджетное финансирование значительной (не менее 50%) части мест в ВУЗах, но и формирует «общественный заказ» на подготовку хотя бы части специалистов, получающих образование за государственный счет, по специальностям и для будущей работы там, где это в первую очередь необходимо с точки зрения обеспечения общенародных приоритетов – в таких сферах как обучение и воспитание, фундаментальная наука и искусство, рекреация природы и общества, развитие высокотехнологичного материального производства. В небюджетных сферах высшего образования может быть реализован другой режим регулирования: здесь государство не определяет количество мест и не финансирует образование напрямую, но предоставляет определенные льготы (налоговые, кредитные, какие-либо еще) для образовательных организаций, которые реализуют приоритетные задачи общества, и, наоборот, ограничивает теми же косвенными методами образовательную деятельность в неприоритетных сферах.

Отношения собственности, присвоения и отчуждения.

Система отношений собственности в сфере образования – это достаточно сложная система параметров, поскольку важна не только форма – государственная, частная или некая третья (переходная), – но и содержание этих отношений.

Содержание отношений собственности раскрывается в первую очередь через анализ отношений присвоения и отчуждения, которые складываются между собственниками организаций, сотрудниками и обучающимися. В этой связи можно выделить три достаточно типичных модели университетов.

Модель государственно-бюрократического университета – сотрудник работает по найму, и условия найма (содержание и организация трудового процесса, оплата, программа обучения и т.п.) диктует чиновник (назначаемый «сверху» ректор, его подчиненные и над ним стоящие государственные органы).

Модель частного университета – сотрудник работает по найму, и условия найма (содержание и организация трудового процесса, оплата, программа обучения и т.п.) полностью диктует хозяин.

Модель общественного университета (public university) – система отношений, при которых доминирует самоуправление и модель ВУЗа, основные параметры его развития и функционирования определяются самим коллективом, внутриуниверситетскими советами, а государство и спонсоры задают некоторые ограничения образовательного процесса и расходования средств. В этом случае достигается минимальное отчуждение от собственника, реальное участие в жизни и развитии образовательной организации.

Способ распределения дохода.

Этот аспект системы социально-экономических отношений в сфере образования затрагивает, прежде всего, вопросы *платности и бесплатности образования* для пользователя образования. Но есть и другая сторона медали – *стимулирование работников системы образования*. В последнем случае среди наиболее важных вопросов выделяется проблема уровня дифференциации заработной платы и других видов доходов преподавательского состава и параметров, от которых она может зависеть. Как показывает практика, здесь возможны два базовых варианта:

1. *Модель, при которой базовые ставки практически равны для преподавателей одного уровня квалификации.* Скажем ассистент, доцент с кандидатской степенью, доктор наук, профессор при выполнении служебных обязанностей (норма нагрузки и минимальный объем научной работы) получают примерно один и тот же фиксированный для данного уровня квалификации доход, независимо от результатов их деятельности. Эта модель близка к тому, что существовало в СССР и существует во многих общественных университетах Запада.

2. *Модель с существенной дифференциацией доходов преподавателей в зависимости от достижения некоторых формальных результатов.*

Здесь основная проблема состоит в определении системы параметров, по которым оцениваются преподаватели. Так как обычно в российской действительности они привязаны либо к коммерческим результатам, либо к внешним рейтингам, которые в свою очередь зачастую подчинены системе отношений,

доминирующей в обществе (причем даже не в нашей стране, а странах «центра» глобальной экономической системы), то собственно творческое содержание образования как диалога преподавателя и студента, содержательные результаты научной работы сотрудника ВУЗа – все это отходит на второй план, подменяясь формализмом, бюрократической отчетностью и массовой фальсификацией содержательных результатов. В результате в большинстве случаев самые высокие доходы при такой модели вознаграждения получают не наиболее талантливые и содержательно, творчески работающие преподаватели, а те, кто лучше приспосабливается к конъюнктуре рынка образовательных услуг и лучше других готовит отчеты по формальным параметрам.

Тип воспроизводства.

Следующий блок параметров – система отношений воспроизводства, тесно связанная с параметрами экономического роста (рецессии, кризиса) или, что для современной экономики гораздо важнее – развития (стагнации, деградации).

Диалектика экономического воспроизводства системы образования – один из наиболее интересных и важных вопросов для политэкономического исследования этой сферы.

Одна диалектическая сторона этого процесса – *образование, рассматриваемое как «проедание» общественного ресурса*, другая – *образование как создание важнейшей производительной силы и реализация социально-гуманистических целей и ценностей общественного развития*.

Именно в этом блоке возникают аспекты, связанные с качеством воспроизводства, чему в нашей стране формально уделяется много внимания, но содержательно проблема решается далеко не в полной мере.

Оставив на время в стороне проблемы деградации и стагнации образовательного процесса, рассмотрим ситуацию с его расширенным воспроизводством. Оно может проходить как интенсивно, так и экстенсивно. *Экстенсивное расширенное воспроизводство образования* (что наблюдается в последние

десятилетия в России¹³) – это процесс, который обеспечивается за счет увеличения количества студентов, сотрудников и организаций, при сохранении (или даже снижении) качественных параметров. *Интенсивный прогресс образования* – это система отношений, в которой за счет развития новых технологий, новых форм диалога ученика и учителя, новых форм организации образовательного процесса, управления образовательным процессом и т.п. прогрессирует качество образования, причем этот прогресс осуществляется при том же количестве сотрудников, студентов и материальных ресурсов, используемых в образовательном процессе, либо быстрее, нежели увеличивается объем вовлекаемых ресурсов.

Завершая наш тезисный обзор основных параметров социально-экономических отношений в сфере образования, подчеркнем: на современном этапе здесь складываются объективные производственные отношения, имеющие значимые внутренние противоречия, требующие своего теоретического исследования и практического разрешения, некоторые пути которого мы уже отметили выше.

Эти акценты не только базируются на представленной выше методологии политэкономического исследования образования, но и аккумулируют практический опыт деятельности ряда институтов образовательного сообщества нашей страны, в частности, общероссийского движения «Образование для всех»¹⁴ и Конгресса

---

¹³ Изменение положения России в рейтинге человеческого капитала (с 51 на 26 место) связано с тем, что некоторые базовые показатели в области образования у нас достаточно высокие. Методика изменилась, она показывает больший удельный вес такого фактора, как доступность образования и доля людей с высшим образованием. По доступности у нас традиция идет от Советского Союза – очень высокий уровень начального, среднего образования. С высшим образованием у нас не все так просто. Поскольку значительная доля людей с высшим образованием получает симулякр диплома. Это не самый лучший результат. А.В. Бузгалин, Телеканал ТВЦ, программа «25-ый час», 15 мая 2015 г. (Режим доступа: <http://www.tvc.ru/news/show/id/68301>).

¹⁴ Общероссийское движение «Образование для всех» (ОДВ) (<http://www.smolin.ru/odv/declaration.htm>), председатель – О.Н. Смолин, 1-ый зам. пред. Комитета по образованию Госдумы РФ.

работников образования, науки, культуры и инженерных специальностей¹⁵. В рамках этих институтов гражданского общества предложен целый ряд конкретных рекомендаций по развитию социально-экономических отношений в сфере образования, ряд из которых стал эмпирическим основанием для представленных выше теоретических выводов.

Последние же важны не только сами по себе: политико-экономический анализ сферы образования, базирующийся на представленной выше методологии, позволяет определить контуры совершенствования системы образования России, не только опираясь на зарубежный и/или прошлый отечественный опыт, но и исходя из реальных социально-экономических отношений, сформировавшихся в сфере образования современной России, что позволит в дальнейшем формировать адекватные программы развития системы образования нашей страны.

Литература

1. Беккер Гэри С. Избранные труды по экономической теории. Человеческое поведение. Экономический подход. – М.: ГУ ВШЭ, 2003.
2. Бодрунов С.Д. Интеграция производства, науки и образования: прошлое, настоящее и будущее / Сборник материалов Международного Конгресса «Возрождение производства, науки и образования в России: вызовы и решения» / Под общ. ред. С.Д. Бодрунова. М.: ЛЕНАНД, 2015, с. 18-19.
3. Бодрунов С.Д. Российская экономическая система: будущее высокотехнологичного материального производства / С.Д. Бодрунов // Экономическое возрождение России, № 2(40), 2014, с. 5-16.
4. Бузгалин А.В., Колганов А.И. Реиндустириализация как ностальгия? Полемические заметки о целевых акцентах альтернативной социально-экономической стратегии // Социс. – 2014. – № 3, с. 120-130.

---

¹⁵ Конгресс работников образования, науки, культуры и инженерных специальностей (КРОН) (<http://congress-ston.com>).

5. Бузгалин А.В., Колганов А.И. Реиндустриализация как ностальгия? Теоретический дискурс // Социс. – 2014. – № 1, с. 80-94.
6. Кузьминов Я.И., Волков А.Е., Реморенко И.М., Рудник Б.Л., Фрумин И.Д., Якобсон Л.И. Российское образование – 2020 // Вопросы образования, № 1, 2008, с. 32-64.
7. May В.А. Человеческий капитал: вызовы для России // Вопросы экономики, № 7, 2012, с. 114-132.
8. Рязанов В.Т. Новая индустриализация России: стратегические цели и текущие приоритеты / «Экономическое возрождение России», № 2(40), 2014, с. 17-26.
9. Смолин О.Н. Системные проблемы образования в России и пути их преодоления / Сборник материалов Международного Конгресса «Возрождение производства, науки и образования в России: вызовы и решения» / Под общ. ред. С.Д. Бодрунова. М.: ЛЕНАНД, 2015, с. 47-52.
10. Сравнительный анализ экономических систем: Россия, США и Финляндия в зеркале социально-экономической статистики (учебное пособие) / Под редакцией А.В. Бузгалина и А.Ю. Низовцева. – М.: Издательство «ТЕИС», 2014. – 126 с.
11. Яковлева Н.Г. Промышленная политика современной России: системная интеграция высокотехнологичного материального производства и образования // Проблемы современной экономики, 2014, №3, с. 45-49.
12. Яковлева Н.Г. Современное образование: между гуманизмом и прагматизмом (системно-структурный анализ) / Материалы международной научно-практической конференции: Образование. Наука. Культура. Роль в модернизации России / Под ред. Н.Г. Яковлевой. М.: Культурная революция, 2014, с. 89-101.
13. <http://www.smolin.ru/odv/declaration.htm> – официальный сайт Общероссийского движения «Образование для всех» (ОДВ).
14. <http://congress-cron.com> – официальный сайт Конгресса работников образования, науки, культуры и инженерных специальностей (КРОН).

Расшифровка дискуссии по итогам доклада С.Д. Бодрунова

Отдельные вопросы по докладу (извлечение)

С. Амин (Франция). Хотел бы отметить презентацию м-ра С.Д. Бодрунова. Он показал тенденцию снижения стоимости материальных ресурсов, полезных ископаемых – при росте важности интеллектуального труда; это – фактически верно, и это важно было указать.

Но, возможно, в одном случае я вынес некоторое умозаключение, отличное от того вывода, который предложил докладчик.

Есть растущее и, видимо, становящееся недопустимым противоречие современного капитализма между явлением социализации процесса производства (потому что знание должно рассматриваться как всеобщее благо), с одной стороны, и его частнособственническим управлением, с другой. Это значит, мы должны обратить внимание на это как на призыв к стремлению понять, что капитализм достиг той точки, где его прогрессивная роль в подъеме производительных сил перестала быть таковой. В этой точке величина деструктивной составляющей становится достаточно большой, чтобы сделать систему умирающей. И это действительно, я согласен с докладчиком, заставляет сфокусироваться на рассмотрении знания как общественного блага, что, кстати, было бы лучше всего для образования и создавало бы максимально равный доступ к нему и возможности продвижения человека до самого высокого научного уровня.

Однако это абсолютно противоположно тому, что происходит в мире сейчас. Система решает это противоречие приватизацией знания, мощным протекционизмом институтов патентования на все, доводя ситуацию до абсурда. Это для меня в данном вопросе основной вывод, поэтому я не думаю, что решение проблемы может быть “цивилизованным” только через интеграцию технологической стороны с политикой в этой сфере. Это заслуживает дальнейшего исследования с точки зрения “цивилизованности” капитализма в целом.

К. Йонг (Корея). Мой вопрос к профессору С.Д. Бодрунову: кто, как Вы думаете, будет конкретным социальным субъектом, который окажется способным совершить трансформацию в новое общество?

Э. Кэмбелл (США). Я бы хотел задать такой вопрос профессору С.Д. Бодрунову. Идеи реиндустириализации, которая придет после разрушения неолиберализма, идеи того, что знаниеемкие продукты будут все больше распространены и иметь все более общественную природу, безусловно, очень хороши. Кстати, насколько я знаю, есть очень интересная книга о Кубе, написанная человеком, глубоко погруженным в эту же тему, руководителем программы биотехнологического развития в этой стране.

Однако мой простой вопрос: кому Вы будете "продавать" эти идеи? Вы создаете интересную концепцию, очень хороший продукт, но его можно продать весьма малому количеству людей. Будет ли он "продаваться" на внутреннем российском рынке, где, как я думаю, "покупательная способность" по отношению к новому "хай-тек-товару", т.е. к таким идеям высока. Или Вы будете "реализовывать" их на "международном рынке", где Вы столкнетесь с огромной конкуренцией – не только с Китаем, но и со всем миром, с Бразилией, например, с другими странами, которые пытаются внедрять похожие идеи?

Ваш доклад был очень хорошим, но он затрагивал сторону "предложения". Я хотел бы знать, со стороны "спроса" – кому Вы будете "продавать" его положения?

А.В. Бузгалин (Россия).

Профессор С.Д. Бодрунов сделал великолепную презентацию, но остается вопрос "Как?". Как и кто будет это делать? Один из таких вопросов касается реинтеграции производства, науки и образования. К слову, он не был во главе угла ни на одной из конференций, на которых я присутствовал, даже среди "левых". Много дискуссий о деньгах, финансах и так далее. Но тема реального материального производства и реинтеграции индустриального производства, образования, науки как альтернативы финансовому сектору, сфере недвижимости, всему

этому бесполезному сектору, обычно остается в стороне. Здесь же она – одна из ключевых, что важно. Но – как?

Кстати, бесполезный сектор экономики – это моя категория. Я доказываю это в моей книге, и мне кажется это важным – половина экономики производит бесполезные вещи.

Так как осуществить интеграцию науки, образования и индустриального производства? Через какие формы и институты?

П. Заремба (США). Мой вопрос профессору С.Д. Бодрунову. Возможно, я не все правильно понял, но я в значительной степени не разделяю оптимизма Вашей идеи в части "освобождения" труда в экономике знаний. Меня этот доклад спонтанно вернул мыслями к теме рабочего движения в XIX и отчасти XX веке с явным выделением класса капиталистов, квалифицированной рабочей силы и неквалифицированной.

Я не вижу в мире какого-то принципиального изменения, той силы, которая придала бы большую власть квалифицированным работникам. Если мы посмотрим на ужасные условия на рабочих местах при производстве некоторых товаров, ужасные условия работы в Китае и подобное – я не вижу принципиальных изменений. Вызывает в этом смысле сомнение правота предложенного Вами "обоснования" науки и знаний из-под власти капитала. Пока в главном их отношения не изменились. Поэтому я не очень понимаю основу этого "обоснования", как и то, в чем же будет такое принципиальное отличие в производственных отношениях в целом в Вашей концепции будущего нового индустриального общества?

Ответ на вопросы

С.Д. Бодрунов. Я думаю, для того, чтобы ответить на эти вопросы, придется еще один такой же доклад делать. Вопросов много, и вопросы правильные, они волнуют и меня в том числе. Я попробую их собрать в один ответ.

Конечно, хотелось бы, прежде всего, поблагодарить за вопросы господина Кэмпбелла, господина Амина и других участников, Вас, Александр Владимирович, поскольку они отразили,

коллеги, Вашу заинтересованность в ознакомлении с моими идеями и внимательное проникновение в смысл доклада. Спасибо!

Теперь – мой комментарий, с вашего позволения.

Я хотел бы сказать буквально несколько слов об очень важной вещи, замеченной сегодня г. Амином, и о которой я в докладе не говорил. Но она совершенно очевидно вытекает из нашего классического политэкономического представления о конфликте между трудом и капиталом, между частнокапиталистическим способом присвоения и общественным способом производства. Это явно отражается и сейчас – в том числе по отношению к знаниям.

Я абсолютно согласен с господином Амином, что сегодня доходит иногда до сумасшествия ситуация с "упаковыванием" знаний таким образом, чтобы их нельзя было использовать без преодоления множества препятствий. Речь – о патентовании и других барьерах для массового освоения знаний. В ряде случаев это попросту приводит к торможению внедрения знаний – мы знаем большое количество таких примеров. Это является отражением объективно существующего противоречия. Имеются понятные желания и механизм присвоения знаний далеко не теми, кто эти знания генерирует. Данный процесс естественно ужесточается в связи с тем, что знания становятся все более важными. Мне кажется, это наблюдение – действительно колossalной важности, мы над этим тоже работаем, исследуем и будем исследовать эти вопросы – и я благодарю за эту "подсказку".

И все-таки я исхожу из того, что прогресс не остановить. Сколько бы ни пытались упрятать знания, они все равно, так или иначе, проникают в нашу жизнь, ломая барьеры, как грибы после дождя, несмотря на попытки "закатать их в асфальт". Не стоит здесь говорить о конкретных механизмах, но в целом мое понимание ситуации – в том, что продвижение, развитие в сторону все более общественного характера присвоения знаний будет продолжаться. И еще, при этом, мы наблюдаем тенденцию к повышению значимости знания в трудовой функции, что позволит обладателю такого "сакрального" элемента стать хозяином положения, его "освобождению" в принципиальном плане из-под " власти капитала". Мы можем уже сейчас многократно наблюдать проявления этой нарождающейся тенденции – очень часто возникает, в отличие от

классической зависимости труда от капитала, обратная зависимость – капиталиста, работодателя от работника, обладающего редкой и важной компетенцией (т.е. знаниями, воплощенными в трудовой функции), причем зачастую такая "обратная" зависимость гораздо сильнее, чем "прямая". Эти две взаимосвязанные тенденции очень важны и для понимания сути процесса продвижения к новому индустриальному обществу второго поколения, и для выявления общественных сил, которые будут акторами и интересантами такового продвижения.

Я полагаю, что чем больше общество будет развиваться в этом направлении, тем более важной будет социальная компонента развития. В этой связи очень важно заниматься формированием (я об этом вообще-то говорил, предварив заданный вопрос) выращивания той компоненты общественного производства, которая называется "люди" и "квалифицированный труд". Считаю, что будучи проблемой чрезвычайно важной, тем не менее, она является частной по отношению к вопросу "как, каким образом вообще двигаться к новому индустриальному обществу".

В частности, применительно к России я написал большую толстую книгу под названием "Формирование стратегии реиндустриализации России" – скажу, что присутствующий здесь профессор Г.Н. Цаголов ее полностью прочитал, он на одном из наших научных форумов давал ее анализ и позитивно оценивал. В ней я рассматривал разные аспекты восстановления индустриального пути развития нашего общества. Проблема реиндустриализации – это в том числе и проблема людей, которые будут этим заниматься, которые смогут работать в новой парадигме. И в этой книге, и в других материалах я неоднократно делал ссылку и к советскому, и к западному опыту интеграции на микро- и макроуровнях образования, науки, производства. Мы не раз убеждались, что на пути интеграции этих трех компонент возникают полезные эффекты, которые приводят нас к индустриальному обществу нового типа.

И тут важно сказать, что здесь данный частный вопрос перетекает в другой, о котором я упомянул чуть раньше: кто тот социальный субъект, который будет заинтересован в движении к индустриальному обществу? Мне представляется, что чем больше будет привлекаться интеграционный процесс, тем больше будет

людей, которые в таком типе развития будут заинтересованы. Движущей силой все больше и больше будут становиться специалисты и акторы техносферы, инженеры, специалисты высокого уровня в разных областях знания, индустрии, и так далее. Объективно их будет все больше и больше, и их интерес, становясь превалирующим, станет базовым общественным интересом.

Правда, может возникнуть вопрос – а готово ли будет человеческое общество к такой трансформации?

Сделаю отсылку к опыту начала XX века. Говорили, что если крестьяне в Советском Союзе пойдут в индустриальный сектор, то что будет происходить? Масса людей будет выброшена – индустрия ведь развивается, и малограмотные крестьяне не смогут найти себе применения. Но когда наступила индустриализация, и людей отправили учиться, чтобы можно было их интегрировать в это развивающееся индустриальное общество первого, как я сказал бы, поколения, поставившее "Русь на дыбы", как писал один наш великий поэт, они нашли себя в новом обществе. Адаптогенность человека к знаниям чрезвычайно велика, если не бесконечна, и сегодня мы не можем сказать, что видим ее пределы.

В качественно новой индустриальной среде второго поколения также потребуются миллионы и миллиарды людей, которые сядут за инструменты, позволяющие решать задачи накопления, преобразования, использования знаний, и так далее. Уже сегодня мы наблюдаем, как миллионы студентов работают с компьютером, где-то школьники уже забыли, как писать на школьной доске. Рано или поздно постепенно сформируется и будет все более увеличиваться новый слой людей, которые будут заниматься в другой, интеллектуальной сфере. Именно он будет и провайдером, и реципиентом нового социального контента.

И уже видно, что невозможно будет решить такого рода проблему в одной отдельно взятой стране.

Как правильно обратил внимание профессор Кэмпбелл, стоит вопрос – "кому "продать" эти идеи?" Коллеги, весь мир – наша грифельная доска! Мы должны работать все вместе, и вместе заниматься новым индустриальным развитием общества, обратиться с этой идеей к международному сообществу. Чем быстрее и согласованнее будет это движение – тем менее конфликтно будут разрешаться известные нам классические социально-экономические

противоречия. Это – не идея для какой-то отдельно взятой страны. Это – объективный путь нашего общего цивилизационного развития. Хотел бы сказать, что не бывает математики английской, русской или китайской, не бывает физики французской или какой-то другой – наука интернациональна, нет, шире – вненациональна, и новый мир будет интернациональным, новое общество – вненациональным по своей социально-экономической сути.

Спасибо.

Политическая экономия: международные тенденции и национальные особенности / Доклады членов российской делегации на 7-ой Международной конференции по политической экономии, Лиссабонский университет, Лиссабон, Португалия, 7-9 сентября 2016 года / Под общ. ред. С.Д. Бодрунова. СПб.: ИНИР, 2016. – 102 с.

*Редактор: Золотарев А.А.
Допечатная подготовка:
Чеканова Е.Е., Федоров А.В.*

Подписано в печать: 18.10.2016.
Тираж 1000 экз. 102 с.
Заказ № 2600446

Отпечатано в печатном цехе ЗАО «Монетная»
197101, Санкт-Петербург, ул. Большая Монетная, 16